

Последняя Академия Элизабет Чарльстон

Автор:

[Ника Соул](#)

Последняя Академия Элизабет Чарльстон

Ника Ёрш

Диана Соул

«Последняя Академия Элизабет Чарльстон» – фантастический роман Дианы Соул и Ники Ёрш, жанр любовное фэнтези, детективное фэнтези.

Самые страшные сны ректора Карингтонской академии начинают сбываться!

Его несносный брат, с совершенно неуравновешенным характером, желает преподавать. Пропавшая пять лет назад девушка из благородной семьи возвращается в город, собираясь продолжить учебу. А одна из горгулий, веками сидящая на крыше замка, взлетает в небо, чтобы охотиться на оживших мертвецов с учебного кладбища...

Ректор в шоке, Серые Пастыри спешат на помощь, а магия продолжается!

Диана Соул, Ника Ёрш

Последняя Академия Элизабет Чарльстон

© Соул Диана, Ёрш Ника

© ИДДК

* * *

Глава 1

Я часто пишу себе некрологи.

Представляю, как их опубликуют в местной газете, как отреагируют люди, когда прочитают о смерти очередной неизвестной им личности. Скорее всего, сразу забудут, не успев ничего ощутить. Если бы у меня были друзья, возможно, они бы горевали и даже оплакивали потерю. Сказали бы что-то на прощание, бросая горсть земли сверху гроба.

Но у меня нет друзей.

А значит, и горевать некому.

Никто не плакал по Кэсси Томсон, никто не прощался с Джилл Морган и, скорее всего, никто не плачет сейчас по Мелоди Роук, которая канула в неизвестность около двух недель назад на Дьявольском Пике в Арьпийских Горах. Пару дней назад ее признали погибшей и опубликовали некролог. Тот самый, который я сочинила накануне перед смертью очередной придуманной личности.

Не спрашивайте, как он оказался на столе у редактора местной газетенки. Факт в том, что, покидая Арьпы, я уже стала обладательницей нового имени.

А точнее старого.

Имя, восставшее буквально из пепла. Имя, под которым я родилась, и фамилия, которую решила возродить спустя пять лет, как с ней распрощалась.

Элизабет Чарльстон ехала на родину, чтобы восстановиться на втором курсе брошенной некогда Карингтонской академии и наконец получить диплом специалиста с допуском к магии третьего порядка.

* * *

Я поправила платье, чтобы скрыть немного выбившиеся нижние юбки. Шляпку тоже придерживала, потому что сумасшедший ветер грозил снести ее, стоило только открыть дверцу дилижанса и попытаться выйти на улицу.

Обычная буря, вполне стандартная погода для Великой Ритании в это время года, тем более в прибрежном районе столицы – Карингтоне.

– Мы переждем ненастье здесь, – крикнул мне возница. – Это отличный постоянный двор. Тут можно перекусить и переночевать. Думаю, к утру ветер стихнет, и мы сможем продолжить путь до центра. Сейчас я бы не рисковал ехать по переходу Пикси.

– Благодарю за заботу, Грегор, – перекрикивая ветер, сказала я и, кутаясь в шаль, поспешила к входу в достаточно большую гостиницу. Если так можно было назвать это место.

Смесь постоянного двора и веселого трактира – вот что это было. Я толкнула дверь, и меня обдало горячим воздухом помещения: терпким запахом эля, зажженных свечей и дорогих мужских духов.

Я шагнула внутрь, тут же погружаясь в новую для себя атмосферу – шума, пьющих за столом людей, тихо поскуливающей лютни, мучения которой пытались выдать за музыку, и веселого хохота местных проституток.

– Дама желает номер на ночь? Или просто поужинать после дороги? – окликнули меня со стойки, одновременно барной и приемной для постояльцев.

Обернувшись, я увидела низенького мужчину лет сорока пяти с хвостиком, у него уже начала пробиваться лысина на макушке, были чуть заостренные уши, а излишняя полнота, нос картошкой и “сбитость” намекали на дальнее родство с гномами Старых Копий.

– И то, и другое, сэр. Мне нужен номер. Небольшой, но чистый. И ужин – без излишеств.

Трактирщик смерил меня внимательным, но опытным взглядом, в мгновение оценивая мои финансовые возможности и ожидания от его заведения.

– Будет исполнено, леди. У меня как раз есть такой номер, специально для вас. стакан молока и рисовый пирог вас устроит?

– Вполне, – согласилась я и попросила подать все прямо в номер.

Ужинать в компании местных мужланов и проституток мне хотелось меньше всего. Свою просьбу я подкрепила парой монет, брошенных на стойку.

Поднявшись в номер и отужинав за столом с идеально белой скатертью, я удивленно воззрилась на неожиданно чистую постель с накрахмаленными, пахнущими летним лугом простынями; пол был выскоблен, вокруг ни паутинки, ни пылинки. Давно не встречала гостиниц с обслуживанием подобного уровня, что могло свидетельствовать лишь об одном – хозяин чем-то смог приворожить брауни. Только эти скрывающиеся от всех “домовые” способны навести такой лоск. Дабы проверить свою теорию, оставила на окошке тарелочку с молоком...

А после с чистой совестью отправилась спать.

Скрежет пружин за стеной безжалостно выдернул меня из мира грез ранним утром. И сразу на голову обрушилась сильнейшая боль.

– Чтоб вас... – выругалась я, морщась и укрываясь руками от солнца, протиснувшегося в окно сквозь занавески.

Спустя пару минут, одевшись, я подошла к окну и, улыбаясь, переставила пустую тарелку на стол.

– Прелесть, – сказала вслух. – Спасибо за чистоту и радушие.

Выходя из номера, не удержалась и еще несколько мгновений смотрела в узкую щелку между дверью и косяком. Надеялась подсмотреть, покажется ли брауни, чтобы убрать посуду? Но хитрый домовой, чувствуя мое присутствие, так и не высунулся. Пришлось уходить ни с чем.

За стойкой трактирщика сегодня встречала женщина. Такая же полненькая, как и вчерашний мужчина, но на этот раз явно чистых человеческих кровей. Я предположила, что она жена полугнома, и, скорее всего, не ошиблась, потому что к ней подбежала девочка лет двенадцати, с такими же вытянутыми, как у отца, ушами и носом-пуговкой. Она что-то зашептала матери на ухо, краснея и хихикая. Я не слышала, что именно, но толстушка погрозила чаду:

– Иди на кухню, а не подслушивай БERTУ. Мало ли что она скажет, не наше это дело, с кем мастер Фенир время проводит!

На этом их короткий разговор закончился, и я подошла ближе к стойке, чтобы заказать завтрак.

Через десять минут я уже сидела за одним из столиков у окна, любовалась идеально чистым небом, в котором ничто не напоминало о вчерашнем несчастье. Из кухонного помещения та самая остроухая дочурка трактирщика вынесла мне тарелку с овсяной кашей, остатки вчерашнего рисового пирога и чашку кавы.

Поблагодарив женщину, я с наслаждением сделала глоток бодрящего напитка, прежде чем начать трапезничать, и тут меня отвлек звонкий женский хохот, разнесшийся по трактиру. Он напоминал мне деревенский колокол, звон которого знаменовал несчастье.

Недовольно поморщившись, потому что от резкого звука моя почти прошедшая голова снова начала болеть, я повернула голову в сторону лестницы. Туда же смотрела и дочь трактирщика. Только если ее взгляд был полон благоговейного обожания, то мой не выражал никакого довольства.

Все дело в том, что со второго этажа спускались трое: две пышногрудые красотки очень легкого, я бы сказала, наилегчайшего поведения и зажатый меж ними, сказочный, но сильно помятый “принц”. Его рубашка, судя по моему опыту, пошитая у хорошего портного, была небрежно распахнута на груди; мужское жабо съехало на одну сторону, а брюки оказались непозволительно приспущены так, что дойдя до них при осмотре, я предпочла отвернуться и сделать вид, что увлечена кавой. Потому как теорию я знала прекрасно, и воображение – будь оно неладно – рисовало картины того, чем занималась вся компания... Появлялись и ненужные, совершенно непрошенные вопросы. Например: зачем ему вторая женщина? В теории, которую я знала, для любви нужны были лишь двое.

Одна из них просто ждала? Пришла позже? Помогала советами?..

– Виктор, когда вы посетите нас снова? Я уже в нетерпении! – прошептала темненькая девица, перебивая мои мысли. Голос ее был таким громким, что услышали все, а сам предмет ее любования наверняка слегка оглох.

– Мэди, солнце, – мурлыкнул он, погружая взгляд в ее декольте. – Без вас, моя прелесть, я засохну, как кактус в пустыне!

Кактус? В пустыне? Я закашлялась.

Девица же опять залилась смехом, не поняв сарказма. Вторая, рыженькая, наоборот, надула губки и, ткнув кулачком в плечо любовника, сделала вид, что обиделась.

– Виктор, а по мне вы будете скучать? Или только Мадлен вам интересна?

– Ах, Сью, в гневе вы прекрасны! – засмеялся стервец и поцеловал ей пальчики. – Именно потому я и разрешил себе на миг обделить вас вниманием – хотел видеть, как сияют от ревности эти глаза! Валькирия! Не иначе. Я в вас почти влюблен, Синти, особенно в вашу попку!

– Я Сьюзен, – хихикнула девица.

– Я помню! – заявил мужчина, подмигивая.

Рыжая засияла от счастья, одарив благодетеля слишком щербатой некрасивой улыбкой. И тут я поняла предыдущие слова Виктора – уж лучше бы она и правда гневалась.

На этом общение троицы явно было завершено – девицы куда-то упорхнули, а мужчина двинулся к стойке, похоже, тоже заказывать себе завтрак.

Обрадовавшись долгожданной тишине и прекращению спектакля, я решила наконец вернуться к завтраку. Даже успела взять со стола приборы, когда на лавку напротив сели без приглашения.

Подняв взгляд, я увидела того самого “принца”. Нагло развалившись и ослепительно улыбаясь во все зубы, незнакомец прошелся по мне заинтересованным взглядом и замер в ожидании.

Отложив вилку и нож, я села прямее и показательно нахмурилась, желая послать его в соседнюю провинцию или еще куда подальше. Страшно хотелось двух вещей: поест и выругаться. Но в Великой Ритании подобное поведение дам считалось неприличным, потому скрепя сердце стала ждать вопросов или предложений.

– И что такая красивая девушка делает в таком месте? Одна... – будто бы небрежно обронил он.

Раскинув руки по спинке лавки, он качнул головой, смахивая в сторону слишком длинную челку, прищурился и скользнул по мне быстрым взглядом профессионального дознавателя.

На миг я даже испугалась, решив, что одно из моих имен раскрыто.

Однако мужчина отвернулся, и ощущение опасности тут же исчезло.

– Вы немая? – Он смотрел в сторону пустовавшей стойки. Видимо, подсел ко мне с целью скоротать время до заказа.

Я поджала губы и промолчала.

Сказать было что, но мне не хотелось начинать пребывание в городе с неприятностей, ведь здесь я собиралась остаться надолго. В Карингтоне. В академии, что находится ближе к центру...

– Я впервые сталкиваюсь с таким обращением к леди, – ответила наконец, с силой сжимая вилку.

Незнакомец медленно, как-то даже лениво обернулся.

На этот раз взгляд его был почти безразличным, не вызывающим опасений или тревог, но все равно я не выдержала. Посмотрев на свою еду, ковырнула пирог.

Есть не стала.

– Я прошу меня простить, – тот, кого девицы раньше называли Виктором, заговорил иначе. Без резкости и подтекста. – Не хотел вас обидеть... леди.

– Извинения приняты, – ответила я, чувствуя непреодолимое желание снова на него посмотреть. – Теперь вы могли бы оставить меня в одиночестве?

– Одиночество – не самый лучший спутник для девушки, – не собираясь уходить, заявил мужчина. – Вам не говорила об этом мама?

Не удержавшись, посмотрела на него вновь.

Это было сродни борьбы со страхом, преодоление себя. Я смотрела на него, любовалась и боялась. И не могла понять причин своего смятения.

Не было в нем ничего сверхвыдающегося, кроме вопиющей красоты. Высокий брюнет, глаза карие, темные и завораживающие, как омуты... Подбородок породистый, нос аристократический – идеально прямой, с широкими крыльями; точеные скулы, четко очерченные красивые губы... Улыбка шла отдельным украшением. Даже если бы Виктор не был так очевидно красив, за улыбку ему можно было бы простить многое. Неудивительно, что на него так вешались девицы. Думаю, не согласись он им платить, они все равно не отказали бы в близости.

Стоило об этом подумать, как одна из его “вчерашних девушек” вновь пробежала мимо, кося взглядом столь сильно, что я стала опасаться за ее зрение. Нельзя же так! Как итог – произошло столкновение с незамеченным впереди стоящим столом. Ойкнув, рыжая опомнилась, глупо засмеялась, как бы оправдываясь, и помчалась куда-то вглубь зала.

Я проводила ее брезгливым взглядом.

– Да-да, – соглашаясь непонятно с чем, произнес незнакомец.

Заломив бровь, я непонимающе качнула головой.

– Тоже не люблю придорожных шлюх, но... для удовлетворения некоторых потребностей они просто идеально подходят. А Селин еще и рыжая... Обожаю рыженьких. Настоящие торнадо в постели!

– Сьюзен, – зачем-то исправила я.

– Вполне вероятно, – холодно улыбнулся Виктор. – Лучше всего мне запомнился размер ее груди и цвет волос. А вам – ее имя. Так ведь? Вам нравится следить за другими, не так ли? Слушать их разговоры, считая, что вас не замечают...

– Вы переходите все границы. – Я в который раз отложила приборы в сторону. – И мне совершенно не интересны ни вы, ни ваши женщины. Единственное, что меня волнует – это головная боль, которая лишь усилилась от громких голосов и смеха ваших дам.

– Ах, леди. – Красавчик снова откинулся на спинку лавки, неискренне засмеялся. – И снова я прошу прощения. Вы, приехав в такое место, наверняка ждали более светского приема? Ваши ожидания так подло обманули!

– Прекратите, – попросила, понимая, что этот человек явно вне себя. Но чем успела его разозлить – не понимала.

– Да бросьте, – он криво усмехнулся, глаза зло блеснули, – спрашивайте!

– Что?!

– Ну же, что вам интересно? Что-то из личной жизни брата? Или у вас на уме только мое грязное белье? Вы работаете на Ньютона? Или Пола? Что за газетенка?[1 - Газеты, пишущие сплетни про всех аристократов.]

– Вы – больной! – выпалила я.

– Или хотите поступить в академию? – совершенно неожиданно произнес Виктор. – Я могу устроить. В ваших глазах столько ума, столько нерастраченного потенциала, который я мог бы помочь... кхм... растратить... Одним словом, могу посодействовать! Поднимемся в номер?

Я закашлялась, постучала сама себя по груди.

– Так что? Зачем вы здесь, в этой забытой всеми забегаловке? Чего хотите? Я открыт для предложений!

Слишком резко вскочив, я чуть приподняла стол, от чего посуда зазвенела, скользя в сторону.

– Прошу вас впредь держаться от меня подальше. Вы ненормальный! – выпалила, отступая. – И нет! – Я протестующе выставила руки вперед, увидев, что он тоже встает. – Бога ради, прошу, не провожайте меня. Иначе я буду вынуждена вызвать городскую стражу!

Уходила я быстро и не оглядываясь, но при этом чувствуя на себе внимание незнакомца.

Однако стоило подавальщице вернуться в зал и громко спросить, кто заказывал танит – напиток гномов от похмелья, – как ощущение преследующего взгляда пропало. “Ненормальный! – повторила я, стоило скрыться с его глаз. – Надеюсь, наши дороги больше никогда не пересекутся!”

Уже через полчаса я снова тряслась в нанятом дилижансе, позабыв о глупом знакомстве, приняв настойки для успокоения и с замиранием сердца предвкушая встречу с прошлым...

Глава 2. Карингтонская академия

Я не видела академию с тех самых пор, как случился пожар.

Сначала мне позволили взять отпуск, чтобы прийти в себя после трагедии. Предполагалось, что, опомнившись, я вернусь учиться и вновь возглавлю список лучших учениц факультета. Но... мой мир не просто пошатнулся с тем пожаром. Унося жизни самых дорогих людей, забирая и превращая в пепелище все материальные ценности, огонь оставил отметины не только на моем теле. Самая большая рана обнаружилась чуть позже. Она разъедала душу, смущала

неокрепший разум...

Все началось с кошмаров.

Сначала они были совсем размытыми, непонятными и оставляющими после себя легкую тревожность. Но очень скоро я впервые проснулась от собственного крика...

– Леди! Леди! Да что вы?! – меня тормозил возница.

Распахнув глаза, я быстро огляделась по сторонам. В дилижансе я осталась одна, последний пассажир покинул его еще до того, как я задремала. В ушах еще звенело, а значит, все повторилось. Снова неконтролируемые видения.

– Где мы? – спросила я тихо.

– Почти приехали. А вы так закричали, у меня даже душа в узел завернулась.

Я выдавила из себя улыбку:

– Не пугайтесь, и меня не пугайте, прошу. Это все ночная буря. Я так плохо спала, что теперь... – беспомощно разведя руками, плаксиво всхлипнула.

– Ой, что вы, леди! Простите меня. Я только и хотел, что узнать, все ли хорошо. Сейчас уже недолго совсем. А в академии обустроитесь и сможете выспаться вдоволь перед занятиями! Там такие стены! Все под защитой, леди, ни одна буря не страшна...

Он все говорил и говорил, а я откинула голову назад, безучастно разглядывая пустоту перед собой. Во внутреннем взоре, в моей голове, все еще были свежи воспоминания гнетущего видения. Смех, рыжие волосы убегающей куда-то женщины, ее удивленный голос... Ничего ужасного я увидеть не успела, но решила про себя, что завтра же наведаюсь в трактир снова, чтобы...

Чтобы что?

Я даже не была уверена, что это та девушка, Сьюзен...

Да и рисковать теперь было нельзя, старое имя обязывало быть осторожнее.

Горестно вздохнув, я закрыла лицо рукой и попыталась вспомнить, что видела. Но образы ускользали, слова и вовсе стерлись из памяти, став лишь отголоском звуков.

– Может быть, обойдется, – проговорила тихо, передернув плечами и прогоняя тем самым тяжесть ответственности, навалившуюся после сна-видения. – Всем помочь невозможно.

Невозможно.

Так говорят Серые Пастыри, отказывая людям в прошениях о помиловании. И так они ответят мне, если однажды, пользуясь даром, я перейду черту дозволенного.

– Академия, леди! – услышала я возницу. – Прибыли. Я ж вам говорил, скоро отдохнете. Бедная леди, столько в пути и одна-одинешенька. Магическая защита – это, конечно, хорошо, но где это видано-то?..

Я улыбнулась простоте суждений этого мужчины. Для него магическая защита, что сейчас повсеместно вошла в моду в Арьпах – пустой звук. Здесь все еще было важно путешествовать по стране со спутницей чуть старше себя. И неважно, если она не поможет спасти от разбойников, зато спасет от бесчестия.

– Открывай! – закричал возница, соскочив с козел и постучав в огромные ворота перед нами.

Отодвинув шторы с окна, я посмотрела сначала на безмятежное голубое небо, затем на безупречно зеленую траву и только после устремила взгляд вдаль, на пики самых высоких башен Карингтонской академии.

Вдох-выдох, выпрямить спину до хруста, ущипнуть щеки для придания румянца, покусать губы для красноты и большей прелести... Так когда-то, кажется, в другой жизни, я приехала сюда впервые.

Все казалось важным, ценным, значимым.

Другое время, другие ценности.

– Проезжай! – наконец разобравшись с возницей, крикнул охранник, стоящий на вахте.

И я до боли сжала в руках ридикюль.

К моему удивлению, академия почти не изменилась. Кое-где вставили другие окна-витражи, на главной башне, помимо шести раззявивших пасти гаргулий, появилась еще одна, похожая, как близнец, на остальных. Охранник на вахте был незнаком, хотя и раньше они менялись нередко.

В остальном все было так же.

– Прикажете здесь вещи разгрузить? – Возница подошел ко мне с намерением заработать пару монет за подъем багажа к месту назначения.

– Нет, оставьте, Грегор, благодарю вас и всего хорошего.

Я несколько раз трянула кистями рук, а после сделала нужные пассы в сторону двух чемоданов. Они послушно слевитировали и поплыли по воздуху следом за мной.

– Ох... – высказался возница, после чего попятился. – Магия!

Последнее слово было высказано без всякого восторга, скорее даже выплюнуто, как оскорбление.

Не думал он, не гадал, что одинокая путешественница, леди по рождению, еще и магичит, иначе вряд ли переживал бы так и заботился в пути.

Так было принято повсеместно: в какую бы страну я ни приезжала, не любил нигде простой люд тех, кто сильнее хоть в чем-то. Богачей не любил заранее, потому как все они снобы; магов не любил – все они только за деньги работают, жлобствуют и кичатся своими способностями; умных не любили – потому что мнят о себе много, выступают по делу и без, покоя от них нет...

Я усмехнулась собственным мыслям, скромно причисляя себя ко всем трем так нелюбимым ими категориям.

– Мисс? – Высокая худая женщина с идеально прямой спиной и прической-пучком, где каждый волосок знал свое место, остановилась передо мной, закрывая обзор. – Куда вы? И откуда?

– Меня зовут Элизабет Чарльстон, – ответила я, поднимая взгляд на профессора Риту Вильсон[2 - Профессор дружила с матерью Элизабет, всю жизнь работала в академии.]. – Здравствуйте. Снова.

– Ох! – на чопорном спокойном лице преподавателя отразилось удивление, затем радость. – Лизи? Это и правда вы!

– Я, мэм.

– Замечательно. Замечательно! – Она порывисто шагнула навстречу и чуть сжала мои плечи сильными длинными пальцами. – Как неожиданно. И как я рада вам, Элизабет! Вы подавали документы?

– Разумеется. И получила ответ о зачислении. Меня восстановили на втором курсе. – Я вымученно улыбнулась. – Очень надеюсь, что на этот раз смогу закончить академию.

– Я слышала, вы поступали в Юридический университет. И в Марингтон. А после пропали. – Мисс Вильсон покачала головой: – Я искала, Элизабет! Наводила справки. Зачем вы меняли учебные заведения, когда мы всегда рады вам здесь? Что с вами было?

– Ничего такого, о чем стоило бы долго рассказывать, честное слово. – Я отвела взгляд и посмотрела на горгулий. – А вот у вас, вижу, настоящие перемены. Новая статуя, новый ректор?

– Да. – Профессор тоже посмотрела на крышу главного здания. – Мастер Фенир. Вот уже три года он возглавляет...

– Фенир? – Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, откуда мне знакомо это имя.

– Да-да, но это все пустое. Это все позже, Лизи! – Мисс Вильсон поманила меня за собой и двинулась к зданию девичьего общежития: – Сначала нужно устроить вас, милая. В этом году так много желающих поступить! А общежитие, как вы можете помнить, не так велико, чтобы принять каждого! Неожиданно стали просыпаться спящие годами силы даже у простолюдинов. И не один-два ребенка за год. Пятеро взрослых приехало! Неспроста это, неспроста. Мастер Фенир уже писал ряд запросов в различные надзорные службы, не иначе кто-то с магией напакостничал, нарушая баланс!

Я молча слушала монолог любимой некогда преподавательницы, при этом не забывая осматриваться и вспоминать родные места.

– ...и вот теперь никому слова не скажи, порядки ужесточаются, а дети приезжают такие, что... – Мисс Вильсон внезапно прервала очередную пламенную речь и остановилась у двери с сильно потертой табличкой. – Ну вот и пришли, Лизи. Давай-ка свои документы, я немного помогу ускорить оформление, девочка моя. Ты такая бледная, устала с дороги?

– Да, – ответила едва слышно.

– Ах, бедняжка! Совсем измучена!

Постучав в двери, мисс Вильсон дождалась неприветливого: “Я занят!” и вошла, успев махнуть мне рукой: мол, постой здесь.

Стало смешно и приятно, как в детстве. Когда мама решала все проблемы, заботясь обо мне больше, чем о себе. Теперь мне двадцать пять, но профессор Рита Вильсон знала меня еще малюткой, и, видимо, в ее глазах это обстоятельство так и не изменилось.

– ...это статья! Нарушение! ...служебным положением! – доносилось из-за двери хриплым низким голосом.

– А вы скажите мне “нет”. – Спокойный холодный голос профессора даже меня заставил поежиться.

– ...да идите вы!..

– Спасибо. Всего вам доброго, мистер Румпи.

Дверь распахнулась, и ко мне вышла немного покрасневшая мисс Вильсон. Пригладив и без того идеальную прическу, она вернула мне документы вместе с ключами и пропуском:

– Вот и все, Лизи, – улыбнулась профессор. – Вежливость и толика напора творят чудеса. Третий этаж, восемнадцатая комната. Это очень неплохой вариант, но все же душем придется пользоваться общим на три квартиры.

– Спасибо вам! – от всего сердца поблагодарила я.

– Это меньшее, что я могу... Но обещай мне разговор, как только отдохнешь!

Я лишь улыбнулась, подзывая свои чемоданы и направляя в лестничный проход. Профессор проводила меня взглядом, но больше ни о чем не просила и не спрашивала.

И это было к лучшему, мне бы не хотелось врать и сильно вдаваться в подробности, рассказывая всем, где я пропадала столько лет. Правда никого бы не порадовала, а ложь всегда могли вычислить. Поэтому я выдумала полуправду – путешествовала по Европе в загадочном поиске самой себя, это ведь свойственно глупым и “романтичным” натурам, особенно в моем возрасте. Но сейчас, повзрослев, я решила взяться за ум и приехала доучиваться.

В подтверждение легенды в моем багаже лежало даже несколько сувениров из европейских лавок.

Я поднялась на третий этаж, нашла восемнадцатую комнату, приложила выданный магический пропуск к замку, и дверь послушно отперлась, являя передо мной квадратное помещение: метров пять на пять с тремя кроватями – две у стены, одна у окна, большой общий шкаф и не менее большой стол, ширма и зеркало.

Скромно, я бы сказала, почти по-бедняцки, но вполне в духе академического общежития. Впрочем, на роскошь никто и не рассчитывал. За пять лет скитаний я привыкла ко всякому.

Еще раз оглядев комнату, поняла, что две кровати уже заняты – у стены и у окна. На них лежали чьи-то вещи, мне же досталась средняя – стоящая между ними, будто граница двух противоборствующих сторон.

Туда я двинулась.

Весь следующий час я разбирала свои вещи, раскладывала, осматривалась, старалась обжиться. Иногда косо поглядывала на соседские кровати, пытаюсь понять по лежащему набору вещей, с кем столкнула меня судьба.

У окна на подоконнике лежала стопка книг, несколько свитков, стояла чернильница. Да и сама кровать была заправлена скучным черным покрывалом идеально аккуратно, будто не человек застилал, а брауни.

А вот второе ложе кардинально отличалось от первого. Яркий плед с радужным орнаментом, розовая наволочка на подушке и вышитые гладиолусы. Даже тапочки на полу стояли необычные – на небольшом каблучке и с опушкой на носках. Похоже, соседки мне попались абсолютно разные, и мне каким-то образом придется приспособиться к ним обеим.

Я уже отводила взгляд от кровати, когда одна деталь все же заставила меня остановиться.

Рядом с подушкой у стены сидела кукла. Небольшая, всего сантиметров двадцать, самодельная. И что удивительно – мужчины.

Любопытство, погубившее кошку, подвело и меня. Не удержавшись, я подошла ближе и протянула руку к необычной вещице. От нее веяло неизвестной магией, но и опасности я не ощущала.

Осмотрев ее, пришла к единственному выводу: кукла была откровенно странной. Судя по кривым стежкам, сшитая вручную, облаченная в такой же самодельный камзолчик, желтые трусы-шорты и кожаные, безобразно сделанные сапожки. Игрушка смотрела на меня нарисованными глазками и будто просила пощады. Особенно впечатляли лошадиные зубы, выведенные на тряпичном материале слегка потертыми уже чернилами. Выдающиеся такие зубы – почти бивни! Подразумевалось, видимо, что она улыбалась, но по факту казалось, будто кукла скалится из последних сил.

– А ну положи моего Лапушку! – неожиданно раздался голос от двери. Такой громкий, что я едва до потолка не подскочила.

Обернувшись, увидела девицу, возможно, чуть младше себя, зато сразу видно – с характером. Про таких говорили “новое поколение”, потому что на старые устои они плевать хотели с высокой колокольни.

Девушка была высокой, красивой, с рыжими вьющимися волосами, распущенными по плечам, с огромными зелеными глазами и маленьким, чуть приподнятым кверху носиком. Вместо приличных платьев она предпочитала мужскую рубашку, заправленную в облегающие кожаные штаны, а те – в высокие ботфорты.

Увидь меня лет пять назад в таком одеянии ныне покойная матушка, получила бы сердечный приступ.

– Лапушку, я сказала, положи! – еще раз повторила девица и вошла в комнату.

В этот же момент на ее сапогах обнаружились шпоры, потому что при каждом шаге они издавали характерный звон.

– Это? – уточнила я, показывая тряпичного монстро-мужика в своих руках.

– Его! Да.

Я осторожно положила куклу туда, где взяла.

– Прости, пожалуйста, – поспешила извиниться, понимая свою неправоту в данной ситуации. – Я просто посмотрела.

Девушка подошла к кровати, очень бережно подняла “лапушку”, внимательно его изучила со всех сторон так, будто я что-то могла испортить, и только после этого успокоенно выдохнула.

– А ты, значит, новая соседка? – поинтересовалась она.

– Да, – ответила, все еще надеясь сгладить острые углы в общении. – Элизабет Чарльстон. Второй курс. Еще раз прости, я честно не хотела ничего плохого.

Девушка несколько мгновений сверлила меня острым взглядом, а после черты ее лица разгладились.

– Виктория Стоун, – представилась она. – Просто на будущее: не трогай мои вещи.

С этими словами она подхватила лохматые тапочки из-под кровати и двинулась за ширму. Оттуда послышалась возня переодевания, и через пару минут наружу вышла будто другая девушка.

Милая, воздушная, в розовом халатике и в тех самых тапочках.

Цок-цок-цок, – простучали они по полу комнаты, и девчонка приземлилась на кровать рядом с “лапушкой”, подхватывая его на руки и неожиданно нежно поглаживая по ниточным волосам.

Я смотрела на все это с нескрываемым удивлением.

О всяких тараканах приходилось слышать, но чтобы вот таких. В двадцать с хвостиком лет куклу-мужика шить и на своей кровати рядом с собой держать...

– Я нормальная! – проследив за моим взглядом, неожиданно произнесла Виктория. – Но так просто это не понять! Это достаточно редкая магия, просто хочу приворожить одного... мм-м... Красавчика. Ну ты же понимаешь, да? Личная привязка, создаю связь между аурами. Поэтому кукла спит в моей кровати, и я лично ее делала. Добивалась портретного сходства.

Она еще раз нежно погладила “лапушку”, чьи лошадиные зубы до сих пор терзали мое воображение. Так себе красавчик, если честно, но Виктория явно считала иначе.

– А разве это законами не запрещено? Привороты, имею в виду.

– Запрещено, если использовать частички объекта. Ногти там, волосы, кусочек кожи... – Виктория мечтательно прикрыла глаза.

Я поежилась.

– Но! – Она снова уставилась на меня своими огромными зелеными глазищами. – Лапушка – мой личный проект! Не банальная сердечная привязанность, как ты могла подумать, а билет в безбедное будущее!

– Так он богат?

– Кто?

– Тот, по кому ты куклу шила.

– Наверное. Не знаю. О! Ты решила, что я замуж хочу? – Виктория мелодично рассмеялась. – Вот уж нет! Ведьму в этот хомут не заманить! А вот если он меня полюбит, начнет мной бредить, ходить как привязанный – то мне не только поставят отлично по практикуму в конце года! О нет. Еще я попробую подать патент! Слышала такое слово? Вот уж где богатство зарыто!

Я кивнула, не сводя глаз с истерично скалящейся куклы.

– Сделаю привязку на ауры, не используя ничего из его личных предметов или частиц тела! Такого еще не бывало, понимаешь?

– Понимаю, – пробормотала я, не желая вдаваться в подробности щекотливой темы. Усевшись на свою кровать и стараясь не слушать, как мурлычет Виктория, укладывая куклу под одеяльце, я собралась уже спросить, кто еще живет в комнате. Может, ведьмочка Лапушку у окна укладывает? Тогда я бы попыталась поменяться.

Но тут двери открылись и в комнату вкатилась тележка, полная земли и зеленых насаждений, торчащих во все стороны. Следом появилась и ответственная за это безобразие.

– Фух, дошла, – бесцветным тоном пробормотала вошедшая.

– Задолбала, – отозвалась Виктория, злобно зыркнув с кровати. – Думала, ты сгинула где-то наконец!

– Рифус-отшельник терпел и мне велел, – ни к кому конкретно не обращаясь, заявила незнакомка, подталкивая тележку к своему лежбищу.

Теперь я поняла, что у окна спал не Лапушка. Хотя лучше бы он.

Девушка была среднего роста, среднего телосложения, с тонкими белесыми волосами и такими же ресницами. Она производила впечатление застенчивой, беззлобной и совершенно не запоминающейся.

Вот вроде бы смотришь на нее, видишь “от и до”, но отвернись, и сразу стирается внешность из памяти. Хочется сказать просто: обычная.

И только имя выделяло ее среди многих других.

– Меня зовут Хельга Хиткович, – не глядя на меня, сообщила девушка. – А ты новенькая? Слишком взрослая для первого курса. И бедной не выглядишь. Решила получить образование, раз замуж не берут?

Договорив, она поставила тележку у самого окна и обернулась, посмотрев мне в глаза.

“Обычная”, – снова пронеслось в моей голове.

Мне бы такую внешность, тогда даже имена менять не пришлось бы. Идеально для скрытия личности.

Но Хельге умение скрываться было ни к чему, она явно была из другого слоя людей. Взгляд прямой, хотя не очень уверенный. Непосредственная, и сразу видно – интеллектом не обделена. А еще она внушала такое же чувство, как и мисс Вильсон: от нее разило “правильностью”. Это та самая порода людей, что обожают во всем порядок, соблюдение норм и правил...

– Я – Элизабет.

Поднявшись, подошла к Хельге и протянула ей руку.

Та опасливо посмотрела на мою ладонь, потом потерла свою о передник и протянула вперед, соглашаясь на знакомство.

– Еще поцелуйтесь, – фыркнула ведьмочка со своей кровати. – Что ты там притащила снова? Не хватило папоротника, который пытался нас сожрать ночью?!

– Он лишь хотел познакомиться ближе!

– У него были зубы! Вот такие клыки! – Виктория оттопырила большой и средний пальцы. – И когда я проснулась, нависал надо мной, разинув пасть!

– Он просто любопытничал! А ты его убила! – недовольно ответила Хельга, отпуская мою руку и загоразивая собой тележку. – И теперь я вынуждена завести новый проект!

– Предупреждаю, – Виктория поднялась и уперла руки в боки, – если эта зелень выберется из тележки, я и ее сожгу!

– Только попробуй! Это Soptimus Homit!

– Да хоть боггарт с усами! Ты меня слышала, Хиткович! Не доводи до ректората!

– Если что-то случится с моим проектом, то твой Лапушка сгинет также!

– Что ты сказала?!

– Хватит!!! – громко вмешалась я, удивленно уставившись на тележку с зеленью. – Они что же, и правда могут напасть?! Твои растения.

– Только когда достигнут половозрелого возраста, – “успокоила” меня новая соседка. – А это не раньше, чем через месяц-другой. Тогда я уже выпрошу место в лаборатории профессора Савье.

– Она скорее удавится, чем пустит тебя с твоими экспериментами туда! – хмыкнула Виктория.

– Я не слушаю тебя, ведьма. – Отвернувшись, Хельга начала гладить толстые зеленые стебли своих питомцев, приговаривая: – Никому не дам вас в обиду, мои хорошие. Поставлю защиту, уберегу от любой беды. Мамочка вас любит...

Я посмотрела на Викторию, та поиграла бровями и покрутила пальцем у виска, всем видом демонстрируя, что думает о Хиткович.

Потом развернулась, послала воздушный поцелуй кукле, сказав, чтоб не скучал, после чего вышла из комнаты.

– Она ненормальная, – сразу припечатала Хельга, так и наглаживая растения. – Дружеский совет: держись подальше. Она думает, что тут самая крутая и сильная. Ведьма недобитая!

– Спасибо, – не решив, что еще можно ответить, сказала я.

– Обращайся, – отозвалась Хельга. – И старайся пребывать в хорошем расположении духа, пожалуйста. От плохого настроения Soptimus чахнет. А мне необходимо вырастить сильные особи с активной жизненной позицией.

– Что, прости?

Хельга неодобрительно покосилась в мою сторону.

– О, ну да, конечно. Само собой. – Я даже кивнула в подтверждение своих слов, мысленно представляя, как активный половозрелый Soptimus откусывает мне голову во сне.

– Отдыхай. – Хельга отвлеклась от ростков и улыбнулась мне, оставаясь при этом все такой же блеклой и невыразительной. – Я тебя разбужу на обед, если хочешь.

Угу, не стать бы самой чьим-то обедом! Но, как сказала хозяйка зеленых монстров, они пока не доросли и какое-то время можно пожить спокойно. Хотя

почитать о них обязательно нужно! Мало ли, когда они там созревают на самом деле.

– Пожалуй, хочу. – Я улыбнулась в ответ, принимая единственно верное решение: переспать с новыми мыслями и только потом определяться, что делать дальше. – Только ты цветочки свои на солнышко поставь, думаю, им будет полезно. Вон туда... у себя в изголовье.

Соседка несколько мгновений думала, а после, обрадовавшись совету, так и поступила. И правда, почему нет, если подушка Хельги так или иначе оказалась самым ярко освещенным местом в комнате.

“Ну и славно, – подумала я, укладываясь на собственной постели. – Если эти сопливусы оживут раньше времени, то по крайней мере у меня будет фора”.

Глава 3

Как и обещала, Хельга разбудила меня перед обедом.

– Общий зал на первом этаже. Спускаешься по лестнице, сначала направо, а потом налево, – сказала она, протирая листы своих цветочных монстров.

Складывалось ощущение, что этим она и занималась все два часа, пока я спала.

– Я в курсе, – улыбнулась ей. – Училась в академии около пяти лет назад, не думаю, что за это время тут что-то сильно изменилось.

– А-а-а, – протянула девушка. – Тогда это многое объясняет.

Я быстро переоделась за ширмой, собралась на выход и с удивлением отметила, что сама соседка никуда не идет.

– А ты есть не будешь?

– Нет. – Немного отвлекаясь от растений, Хельга подняла на меня взгляд. – Еще нужно удобрить, подкопать и самое главное – повесить им защиту от “этой”. Так что обойдусь без обеда.

Решив, что это отличный способ наладить мосты, я предложила свою посильную помощь. Не с сопливусами или как их там, разумеется.

– Могу захватить тебе чего-нибудь, – предложила я. – Пару кусков пирога, например.

– О, – обрадовалась девушка, и на лице ее возникла улыбка. Приятная, надо сказать. – Это было бы прекрасно, спасибо.

Из комнаты выбиралась я в превосходном настроении и предвкушая сытную пищу. Помня, что утром завтрак мне испортил несдержанный тип из трактира, я собиралась плотно пообедать.

И все же я не спешила. Шла по академии медленно, впитывая ее дух, разглядывая стены, подмечая, что же изменилось за несколько лет.

Казалось, что ничего. Все те же старинные картины и гобелены, лавочки в освещенных фонариками нишах, разноцветный свет, проходящий сквозь витражи окон. Но самое главное – гул голосов студийцев, их переговоры, смех. Ученики были словно кровью огромного замка, постоянно перемещающейся по коридорам, наполняющей его жизнью.

И сейчас все спешили в сердце академии – в общий зал, он же – огромная столовая.

Все мчали туда, гонимые голодом, но я не отказала себе в удовольствии ненадолго замереть в дверях и осмотреть весь зал.

Сейчас он был заполнен всего процентов на восемьдесят, еще не все учащиеся прибыли к началу учебного года, и все же жизнь тут кипела. Особенно у длинных столов с раздачей блюд, здесь всегда ошивались толпы голодающих.

Помня, что нужно взять еще что-нибудь для соседки, я заняла очередь, отстояв которую, добыла для себя тыквенного супа, греческой каши с мясным рагу и два куска пирога с индейкой. С этой ношей на подносе я двинулась в поисках столиков.

Но стоило только отвернуться от раздачи, как на меня едва кто-то не налетел.

Точнее я на кого-то налетела, едва ли не проливая свою ношу на чужой сюртук.

– Ой, простите. – Я задрала голову, чтобы посмотреть в лицо своей “жертвы”, и потеряла дар речи.

– Ничего страшного, – ослепительно улыбнулся мне утренний знакомый, скользнув по мне мимолетным взглядом и, кажется, не узнавая. Как такое может быть? Ведь виделись совсем недавно...

По сравнению с утром Виктор был одет совершенно иначе. Никаких тебе приспущенных штанов и покосившегося жабо. Сейчас он был собран, аккуратен, и даже вчерашним перегаром от него не разило. Видимо, чудодейственный танит все же привел “прынца” в божеский вид.

Я отступила на шаг, находясь в полной растерянности. Что этот мужчина, черт возьми, здесь делает? А ведь он говорил мне что-то про академию, но я решила, будто это не более чем бахвальство, лишь бы затащить очередную дурочку в постель.

Тем временем Виктор, потеряв ко мне интерес, двинулся по залу дальше в сторону преподавательских столов. Во мне знакомую он так и не опознал – что было на руку! Но вот направление его движения сильно пугало.

О боже, только не это! Пускай он не тот, о ком я думаю.

– Элизабет! – раздался звонкий голос с правой стороны. – Иди сюда!

Я обернулась и увидела Викторию. Она махала мне руками, подзывая к себе за столик.

Помня, что мне нужно налаживать мир в комнате и вообще как-то приспособливаться к новой жизни, пошла к соседке.

Виктория же продолжала нетерпеливо махать мне руками и даже вылезла из-за стола, чтобы добраться до меня и побыстрее дотолкать до места назначения.

– Ты видела? Видела? – восторженно пищала она мне на ухо, усаживая рядом с собой. – Он посмотрел на меня. Ох!

– Кто? – не поняла я, немного побаиваясь ее нездорового возбуждения.

– Ну как кто? Лапушка! Ты с ним только что столкнулась, в тот момент, когда он искал моего взгляда. – И чтобы я наверняка не перепутала, Виктория тайком ткнула пальцем в сторону преподавательского стола.

Там на одно из мест как раз усаживался Виктор, попутно переговариваясь с другими преподавателями.

Я оторопела.

– Это лапушка? – не поверила я.

– Да! – со священным придыханием вымолвила соседка. – А что, не похож, что ли?

У меня едва челюсть не выпала. В памяти всплыли лошадиные зубы и желтые трусы куклы.

– Эм... вылитый, – выдавила я, чтобы не обижать Викторию.

Что-то подсказывало мне – с подобным “портретным сходством” ворожбы утренний “принц” может не опасаться.

От мыслей отвлек звонкий девичий смех за соседним столиком. Там сидели трое и, скромно потупив взгляд, нет-нет да поглядывали в сторону Виктора. До меня даже донеслись обрывки разговора:

– О боже! Боже! Он все же приехал в этом году!

– Какой же он красивый!

Восхваления разбавлялись мечтательными вздохами, я же буквально дурела от масштабов всеобщего помешательства вокруг “вот этого вот”.

В подтверждение моих слов Виктория достала из сумки блокнот и принялась заносить туда какие-то формулы.

– Так. Нужно будет усилить давление на ауру, а то его кто-то раньше приворожит. Слишком велика конкуренция, – бормотала она себе под нос. – А мне больше ихнего нужно. Все девчонки обзавидуются, когда он за мной пойдет на экзамен и будет валяться у моих ног!

– А кто он вообще такой? – спросила я, заглядывая девушке за плечо в записи, чтобы хоть краем глаза подсмотреть, что за дикие схемы она там рисует.

Свою писанину Виктория захлопнула так же резко, как и достала.

– Как кто? Ты что, не знаешь самого мастера Фенира? – почти обвинительно спросила она.

Мои глаза с ужасом округлились. Я эту фамилию утром слышала от профессора Вильсон.

– Это ректор? – не веря, выдавила я.

На что соседка рассмеялась.

– Х-ха, нет, конечно, хотя фамилии у них одинаковые. Нашему ректору под полтинник, кому нужен этот старикан?! Просто Виктор Фенир его брат... Лучший специалист по магическим существам во всей Ритании. Герой битвы при Хольдмудском разломе. Один из пяти выживших.

Если честно, то я мало что знала о тех событиях. Хотя, несомненно, о них слышал каждый. Всем известно, что такие существа, как брауни, пикси, ведьмы

древ, банши и многие другие живут на два мира. На наш, где помогают людям, а иногда вредят, и на свой, куда человеку вход заказан. Там действовали другие законы, и выжить в чужом пространстве считалось практически невозможным. До разлома.

– Я читала о нем книгу, – продолжала соседка. – Виктор учился на пятом курсе в академии, когда их направили на практику в Хольмуд. Там шалили боггарты, а ты сама понимаешь, твари дикие и нужно было отправить их обратно в свой мирок. Но что-то пошло не так. Тогда четверть города вместе с жителями и их домами провалились в небытие. Окружающим показалось, что прошло всего пять минут – ровно столько земля, бывшая городской, пустовала. А после дома вернулись на место, только людей там уже не было. Из тысячи людей уцелели пятеро. И Виктор среди них. Как он рассказывал, то, что в нашем мире было минутами, в том заняло две недели. И все это время люди сражались с нечистью за выживание...

По моей спине пробежали неуютные мурашки. Рассказ был жутковатым, а я сделала себе мысленную пометку – почитать поподробнее про Хольмудский инцидент.

– Значит, герой. И что он тогда в академии делает?

– Преподавать будет, – буднично заявила рыжая. – Он обычно по городам ездит, магичит, ведет разъяснительные работы среди простого народа. Просвещает о правильном поведении с магической нечистью. В том году дважды приезжал сюда и проводил семинары! Это был полный восторг, Элизабет! А в этом, судя по всему, будет читать курс лекций. Весь год! Правда прекрасно?

Пришлось промолчать. Ничего прекрасного в том, что лекции у нас будет вести пьяница и хам, я не видела. Понятное дело, наверное, его поведение в академии и за ее стенами сильно различается, и все же я уже чувствовала себя не в своей тарелке.

Совпадения я не любила, тем более вот такие.

– На тебе лица нет, – опомнилась Виктория, – что не так?

– Все хорошо. – Я быстро взяла себя в руки, прогоняя излишнюю подозрительность и волнение. – Никак не свыкнусь с мыслью, что снова приехала в академию.

– Так ты здесь уже училась? – Вики подперла рукой голову и с любопытством уставилась на меня.

– Да. Но со второго года пришлось уехать, – как можно спокойнее отозвалась я. – Потом я долго путешествовала и вот вернулась, чтобы довести дело до конца.

– А специальность?

– Общее маговедение. Специалист широкого спектра.

– Ох! Да их же нещадно гоняют по всем предметам! Ты должна понемногу понимать во всем! Даже в ведовском.

Вики ткнула себя в грудь, показывая, что сама именно там и учится.

– Да, нас учили кое-чему с твоего курса. – Я улыбнулась.

– А биомагии? – Тут Вики подалась вперед и округлила глаза: – Ты и в ней что-то понимаешь?!

– Совсем немного. Закончив всего один год, а потом сделав пять лет перерыва, знаешь ли, не многое сохранится в голове. Придется много работать.

– Да уж. – Вики снова села прямо, покачала головой. – Наша припадочная Хельга с биомагического. И могу сказать точно, они там все ненормальные. Копшатся в земле, кормят всяких тварей, чтобы их вырастить, а потом усыпить и разрезать. В конце прошлого года Хельга с восторгом рассказывала, что на втором курсе им позволят препарировать кровосов, которых они, на минутку, растили сами!

– Кровосов?

– Мелких грызунов, – отмахнулась Хельга. – Живут в земле, слепые, с огромными зубами. Выглядят ужасно, зимой спят, летом вылезают и прыгают на

проходящих мимо, впиваясь в открытые части тела. Кровососущие.

– Какой ужас! – Меня передернуло. – Я не слышала о них!

– Правильно, раньше они водились только южнее Великой Ритании и изучались вскользь. Но несколько лет назад стали и у нас появляться. А в том году эта ненормальная Хельга лично выловила одного такого “на живца” и притащила в нашу комнату. Держала его в специальной клетке, подкармливая собственной кровью. Все с ее курса так делали.

– Чтобы в этом году разрезать их и заглянуть внутрь? – ужаснулась я.

– В точку. Так что приходится ставить на моего Лапушку охранные заклинания! Иначе она и до него доберется и разберет на составляющие. У нее руки так и чешутся кого-то посмотреть изнутри!

Я кое-как дожевала кусок мяса и с трудом его проглотила, запив компотом.

– Пожалуй, сегодня с меня хватит, – проговорила, переставляя недоеденное на поднос. Только пирог забрала, упаковав оба куса в салфетки.

– А я еще посижу. – Вики снова покосилась на предмет своей будущей известности – Виктора, бормоча тихонько: – Лапушка мой, патентик мой ненаглядный...

Я молча ушла, стараясь не оглядываться и не прислушиваться. Но разговоры студентов то и дело доносились до ушей.

– Не зря он приехал, точно говорю! – Рыжий парень, мимо которого я шла, ткнул пальцем в сторону преподавательского стола. – Это все из-за странностей вокруг.

– Еще скажи, что веришь в байки, будто он – Серый Пастор, – ответил кто-то, после чего засмеялся.

Я быстро вышла из столовой, ускоряя шаг и даже практически переходя на легкий бег. Лишь очутившись в холле, немного перевела дыхание, не понимая,

что происходит? По ощущениям, у меня начиналось очередное видение, но раньше такое случалось лишь во сне...

– Элизабет!

Я вздрогнула и резко посмотрела в сторону говорившей.

– Что с тобой? – Хельга шла ко мне с весьма обеспокоенным видом. – Ты будто призрака увидела. Если это правда, скажи мне, где именно! Я тоже хочу!

– Никаких привидений, – засмеялась я, при этом изо всех сил подавляя в себе нарастающий ужас. – Просто спешила к тебе. Отдать пирог. Ты ведь голодная.

– Серьезно? – Белесые брови Хельги полезли вверх. – Ты захватила его для меня? Это невероятно мило!

– Да брось, это мелочь, тем более я обещала. Ты можешь успеть еще пообедать нормально.

– Нет, мне хватит пирога. Элизабет, ты – чудо! А давай прогуляемся вместе? Вспомнишь территорию. Если забыла что-то, спросишь. Я многое изучила, пока искала кореню в том году. Это такое растение. Задание от профессора Савье. Пойдем на кладбище? Мне бы проверить, как море-трава прижилась.

– Море-трава? – Я покачала головой: – Почему на кладбище?

– Там в одном месте всегда подтопления. Сыро очень, запах неприятный. Зато море-траве в самый раз, она растет там, как на магической подкормке!

В глазах Хельги светился дикий восторг. Впрочем, я внезапно поняла, что тоже не прочь посмотреть на ярко-синее растение с огромными оранжевыми цветками, достигающее пары метров в высоту и колышущееся, будто стоит на морском дне, даже в безветрие.

Пока шли к кладбищу, я вспоминала, как поразила, впервые обнаружив его на территории академии. Потом нам пояснили, что это сделано как раз для биомагов. Им ведь необходимо было на пятом курсе работать с трупами разной

степени свежести... Брр...

Слава ректору, нам на факультете общего профиля такой чести не выпадало. Хотя препарировать животных мы тоже станем... Как бы потом осторожно донести эту мысль до Виктории, да так, чтоб она не решила, будто я тоже покушаюсь на ее куклу?..

– Ты знаешь, я тоже подписала дарственную на тело! – внезапно сообщила идущая рядом Хельга. – Отдам его на нужды академии после смерти. И тебе советую. Пусть будет польза от нас даже после того, как превратимся в кусок...

– Давай сменим тему? – перебила соседку я. – Пойми меня правильно, я не из слабонервных, но какие-то темы даже мне неприятны.

– Хорошо, – неожиданно легко согласилась девушка. – Смотри, вот и кладбищенская арка! Сразу за входом нужно повернуть налево и идти до упора. Там самые старые захоронения.

– Склеп, – вспомнила я, – с первыми ректорами.

– Ага. – Хельга предвкушающе потерла ладошки. – Море-траве там очень нравится. Увидишь – обалдеешь!

Я и правда обалдела. Соседка не мелочилась в своих экспериментах и посадила сразу пятнадцать кустов. И, как ни странно, все они действительно прижились, обещая вот-вот дорасти до предельной возможности и – что важнее всего – зацвести! Тогда можно будет сделать кучу очень полезных снадобий, за что Хельгу непременно отметят как одну из лучших студенток на курсе.

– Ну как? – Соседка гордо подбоченилась и с невероятным удовольствием рассматривала тонкие синие стебли, медленно раскачивающиеся в разные стороны.

– Невероятно! – выдохнула я.

– Ага. Но ближе не подходи. Профессор Савье, узнав, что море-травка прижилась, поставила сильную защиту, чтоб никто не испортил нам триумф!

– Ты невероятно талантлива!

– Это правда. – Хельга улыбнулась. – То ли еще будет, когда мои Soptimus Homit подрастут!

Вспомнив всеядных монстров на подоконнике в нашей комнате, я поумерила пылкую похвалу. Для таких ярых приверженцев биомании, какими, судя по всему, являлись Хельга и профессор Савье, любые жертвы на пути к открытию стали бы незначительными. Вот надкусит сопливус кусок ноги собственной хозяйке, так она же еще переживать будет, чтоб это его пищеварению не навредило...

– Слышишь? – вновь выдернула меня из дум соседка. – Какой-то гул в глубине кладбища. Странно.

Я прислушалась. И правда, откуда-то из центра доносилось невнятное жужжание. Однако стоило его уловить, как все стихло.

– Все?! – Хельга посмотрела на меня с удивлением. – Что это было?

– Без понятия. Давай уйдем? – предложила я.

И соседка, несмотря на всю браваду, сразу согласилась.

Пока мы выбирались с последнего пристанища тех, кто отдал свои тела академии, меня не покидало чувство беспокойства. Меж лопаток свербило, и постоянно казалось, что кто-то следит за нами. Но сколько бы я ни оглядывалась, никого не увидела.

И только покинув кладбище, мы с Хельгой одновременно выдохнули с облегчением. Переглянувшись, встретились взглядами, поняли, что обе здорово струсили непонятно от чего, и засмеялись.

– Надо же, как бывает, – поделилась впечатлениями соседка. – У страхов и правда множество лиц. Мне даже в ветре шепоток почудился!

– А мне казалось, что кто-то смотрит в затылок.

– Ну вот! Когда кажется одному – это сумасшествие, а если нас двое – не так страшно, Элизабет! – Хельга засмеялась. – Знаешь, многие ведь говорят, что странности участились. Что-то плохое происходит вокруг. Я слышала, парень с третьего курса прорицательского факультета упал в обморок, поднимаясь в общежитие. Он что-то кричал о силе, которую нельзя сдерживать, и о зле, притаившемся за углом. Брр...

– Это все глупости! – убежденно заявила я, вспоминая и разворачивая пироги, прихваченные из столовой. – Возьми. Один тебе, один мне. Appetit проснулся. А прорицателям веры нет. У них даже пословица есть: не имей сильный дар, а имей хорошее воображение. Тем и кормятся, что выдумывают много.

– Считаешь? – Хельга откусила пирог и кивнула: – Думаю, ты права. Но все равно что-то есть вокруг нехорошее.

– Нехорошее только в наших головах! – припечатала я. – Поверь!

В тот самый момент, когда договорила последнюю фразу, солнечный день внезапно сменился сумерками. Хотя при более внимательном рассмотрении оказалось, что нас с Хельгой всего лишь накрыла огромная тень с гигантскими крыльями.

– Что это? – задумчиво спросила соседка, глядя на землю.

Я подняла голову вверх и... пирожок выпал из моих ослабевших рук.

Открыв рот, я смотрела, как тяжело, даже натужно взмахивая огромными крыльями, все дальше и дальше улетаёт сбежавшая с крыши основного здания и ожившая каменная горгулья!

Она медленно, но неотвратимо двигалась в сторону кладбища, а мы с Хельгой так и стояли столбами, забыв, кто мы, где мы, и что собирались делать.

– Так не бывает, – шепнула я, когда вокруг начался гомон. Отовсюду бежали люди, раздавались крики, какой-то дикий свист... – Не может быть!

– Я хочу в свою комнату. Домой. К маме, – нервно пискнула рядом Хельга, после чего ноги ее подкосились, а тело упало в мои распахнутые объятия.

– Врача! – первое, что вырвалось у меня из груди, но во всеобщей суете крик потонул в небытие.

Да и сама Хельга, кроме того что лишилась чувств, не выглядела особо умирающей. Пришлось хлопать ее по щекам до тех пор, пока она сама не откроет глаза.

Мимо промчались несколько преподавателей, и в итоге на нас все же обратили внимание, когда ко мне подскочила неизвестная женщина в золотистом плаще и значком биолого-магического факультета на вороте. На вид ей было лет сорок, шатенка, с первыми морщинами на точеном лице и острым взглядом серых глаз.

– Что с ней? – спросила женщина у меня. – На нее напали?

– Нет, – замотала головой я. – Просто обморок.

– Слава богам, – выдохнула она, попутно водя руками над Хельгой.

Хиткович слабо улыбнулась и тут же начала цепляться за рукава профессора:

– Профессор Савье, со мной все в порядке. А вот море-травы... Наш проект...

Кто о чем, а вшивый о бане. До меня наконец дошло, что незнакомка не кто иной, как декан биолого-магического факультета, та самая Савье, о которой я уже столько слышала.

Решив, что с такой “нянькой” оставить соседку можно, я обернулась в сторону кладбища. Творилось там нечто невообразимое. Из-за каменных ограждений временами показывалась буйствующая каменная горгулья. Все это разбавлялось жуткими криками и воем, будто древнее изваяние устраивало на кладбище локальный апокалипсис.

– Студентка... – окликнула меня профессор Савье. – Не знаю, как вас, но вы должны вернуться в стены академии.

– Но... – я попыталась возразить, однако женщина заткнула меня одним жестом.

– В вашей помощи не нуждаемся, лучше помогите Хиткович.

– Да, конечно, – спохватилась я. – Сейчас.

Убедившись, что мы с Хельгой уходим, Савье и сама бросилась к кладбищу. Душераздирающие звуки оттуда нарастали, такие, что кровь стыла в жилах.

Мимо меня, даже не обращая внимания, пробежала мисс Вильсон, что в ее возрасте уже было подвигом. Одышка давала о себе знать, и все же как сильный маг она не могла остаться в стороне. Еще мама, с которой они всегда дружили, всегда отмечала магические таланты подруги.

– Там что-то жуткое, – бормотала Хельга. – Поистине страшное. Я не припомню ничего подобного. Смотри, все преподаватели спешат туда, будто здесь второй Хольмуд. Что, если и в самом деле произошел прорыв?

– Ты бредишь! – воспротивилась я, хотя что-то на самой границе сознания, то, чего я сама не до конца осознавала, было почти согласно с соседкой по комнате. – Но если ты права, нам нужно убираться отсюда.

– Шутишь? – У Хиткович – у которой еще пять минут назад не было сил, и она просилась к мамочке, – словно второе дыхание открылось. – Мы должны увидеть все своими глазами. Когда еще такое будет?

Она выкрутилась из моих рук и рванула в сторону кладбища. Да так быстро...

– Стой, полоумная, – не стесняясь в выражениях, крикнула я и, поборовшись с собой несколько мгновений, все же побежала догонять Хельгу.

По ходу Виктория была права насчет соседки: в вопросах самосохранения у девушки были огромные проблемы, поэтому, догнав эту дуру, я собиралась применить спутывающее заклинание и протащить соседку до академии на левитирующей магии.

Но уже на полпути я поняла, что Хельга не такая уж и идиотка. Мчала она не к кладбищу, а к высокому раскидистому дереву, которое росло с нашей стороны стены.

Хиткович ловко подтянулась на нижних ветвях и цепко полезла вверх.

– Слезай, – крикнула я ей, стоя внизу и понимая, что теперь от девушки меня отделяет по меньшей мере метра три.

Но Хельга внимания на меня особо не обращала, с раскрытым от удивления ртом она смотрела на кладбище. Видела что-то недоступное мне, и глаза ее горели нездоровым азартом.

И что сделала я? Вместо того чтобы бежать в академию, как и приказала профессор, я тоже полезла на дерево.

Не жалея рук и почти нового платья.

Только в отличие от Хельги я так высоко забираться не стала, мне хватило пары метров, чтобы увидеть весь масштаб происходящего.

Старое кладбище походило на руины. Развороченные склепы, обломки надгробий – все это было смешано с комьями земли и грязи, а еще человеческими останками. А точнее – ожившими человеческими останками.

Внутри меня похолодело, а к горлу подступил ком тошноты.

Из-под земли лезли сотни мертвяков. Откуда только столько взялось? Они пытались вырваться за стены кладбища, но на их пути встала горгулья. Изваяние крыльями перегородило им дорогу, разрывало острыми когтями особо настойчивых и всячески препятствовало армии мертвых. Но сил ей явно не хватало, мертвяки облепляли ее тело, словно хищные муравья, и тогда горгулья с ревом стряхивала всех с себя, топча огромными лапами. Однако и это не помогало, камень крошился, и только богам известно, сколько горгулье осталось сдерживать натиск.

В это же время преподаватели пытались выставить щиты у стен, чтобы в случае падения каменного стража хоть что-то сдержало нечисть.

– Обалдеть, – восхищенно лепетала Хельга. – Это же ожившие трупы. Представляешь, как было бы интересно их вскрыть. Заглянуть, что там внутри...

– Черви? – предположила я, совершенно не разделяя восторга.

Мое сердце буквально сжималось от страха. Я видела профессора Вильсон, которая с огромным напряжением на лице растягивала щитовой купол, чтобы накрыть им кладбище.

– Они пытаются изолировать это место, – догадалась я. – Чтобы никто отсюда не мог выйти.

– Но моя море-травка! Так нельзя! – возмутилась Хельга. Но благо сделала она это, беспомощно сидя на ветке, а не мчась мешать магистрам спасать всех от мертвечины. – Они не могут так поступить!

– Еще как могут, – пробормотала я, замечая среди преподавателей Виктора.

Сказочный “принц” в этот момент был абсолютно не похож на мечту всех студенток – милого и безбашенного красавца.

Мне даже стало жутко, когда я увидела его фигуру, вышедшую вперед и отделившуюся от остальных преподавателей. Было что-то неотвратимое в этом зрелище.

Немного позади от Виктора стоял лишь один мужчина, похожий на Фенира, но гораздо старше. Ректор, догадалась я. Он, как и остальные профессора, работал над куполом, который вот-вот должен был опуститься на землю, погребая под собой мертвечину, горгулью и Виктора, потому что Фенир-младший явно собирался остаться внутри.

– Он что, самоубийца? – Я искренне испугалась в этот момент. И даже Хельга мне не ответила.

Мне оставалось испуганно смотреть на происходящее.

Фенир-младший шел вперед, не оглядываясь на стоящих позади.

И купол сомкнулся.

Отрезал его от внешнего мира, оставив на растерзание монстрам, лишь с полуразрушенной горгульей в качестве поддержки.

Я до боли впилась зубами в собственные губы. Что же он делает? Зачем?

Мне не хотелось смотреть, как его разорвут на части. Пусть он был миллион раз хамом, но не заслуживал такого конца.

Тем временем несколькими пассами рук Фенир извлек из воздуха посох. Прежде ничего подобного я не видела и даже в теории не понимала, чем против мертвецов может помочь деревянная палка с синим камнем вместо набалдашника.

Виктор остановился.

Я видела, как напряжены его плечи, как он опустил голову вниз, а в следующий миг с размаху двумя руками воткнул посох в землю.

И что-то изменилось.

Огненный шквал вырвался из камня, венчавшего мудреную палку в руках Фенира. Настоящий ураган, пылающий смерч, который раскручивался все быстрее и быстрее, сжигая все на своем пути.

Стихия разрасталась с каждой секундой, заполняла все пространство внутри магического купола, и через пару мгновений огненные всполохи уже ласкали мерцающие стены. Валы пламени все накатывали и накатывали, и я не представляла, что может выжить в том аду, который происходил сейчас там.

В таком огне не уцелеет никто – ни живой, ни мертвый. Даже камень горгульи наверняка расплавится.

Прошло минут пять, прежде чем шторм стихии начал стихать. Он медленно спадал, будто втягиваясь туда, откуда зародился, оставляя за собой лишь пепел и выжженную дотла землю. От кладбища не осталось ничего.

– Моя море-трава-а-а... – взывала Хельга.

– Дура! – Я не могла поверить, что ее волнует сейчас только кустарник. – Там же человек умер.

– Кто? – будто не поняла соседка.

– Фенир. Ты что, не видела? Он пожертвовал собой. Сгорел!

– Этот, что ли? – Хельга взглянула на меня так странно, и теперь я себя ощутила идиоткой. – Да что ему будет? Он же и в воде не горит, а и огне не тонет. Тьфу, наоборот. Смотри.

Она указала пальцем куда-то, где среди дыма проступал силуэт горгульи. Пришлось как следует присмотреться и все равно ничего не понять.

Лишь когда преподаватели сняли щит и ветер ворвался внутрь, разрывая плотные клубы дыма, я узрела.

Виктор Фенир стоял посреди пепелища, все так же держа в руках посох, и был мужчина абсолютно голым. Когда я говорю “абсолютно”, я имею в виду “совсем”.

И даже то, что я не разглядела утром в трактире под приспущенными штанами, теперь было у всех на виду. Наверное, будь сейчас рядом Виктория, она бы уже восхитилась масштабом обозримого и даже задумалась над небольшим дошивом деталей в Лапушку, но вместо этого я слышала только стенания Хельги:

– Проект погублен. Не видать мне отличительной грамоты в конце семестра!

А дальше ничьих слов было уже не разобрать. Началась суета, шум, гам и истерия со стороны тех, кто, как и мы с Хельгой, дорвался до зрелища. Народ ломанулся прочь, не желая попасть под гнев преподавателей!

Я тоже решила, что нужно сваливать, но именно в этот момент в моей голове, к сущему ужасу, стали возникать картинки-образы. Зрение отключилось, но я все равно видела чью-то могилу и плачущую возле нее женщину. Саму несчастную видно не было, она сидела ссутулившись и горько рыдала. А вокруг клубилась тьма...

В довершение всего, пока смотрела так некстати явившееся видение, соседка тоже начала слезать и наступила мне на руку. Я взвыла...

– Спускайся скорее, мы должны все проверить, – затараторила Хиткович вместо извинений. – Покажу тебе лазейку слева, со стороны часовни...

– Что? – Все еще баюкая руку, я зло посмотрела на девушку: – Знаешь, еще слово про кладбище и пропавшую там траву, и я огрею тебя по голове, безжалостно бросив прямо здесь!

– Ты не понимаешь!

– Угу, – я начала осторожно спускаться, – не понимаю! Потому расскажи о своей потере кому-то еще. Профессору Савье, например. С учетом произошедшего, думаю, сейчас она жаждет подобного разговора.

– Ладно... Прости меня, Элизабет!

Соседка справилась со спуском гораздо легче, чем я, и сразу закашлялась, недоуменно оглядываясь по сторонам:

– Сколько дыма!

Опомнилась! Но на нравоучения не было времени, потому, схватив Хельгу за руку, я побежала в сторону академии, закрывая нос и рот платком.

По пути нас несколько раз толкнули, однажды я даже упала, но Хельга быстро помогла встать.

– Не паникуйте! – закричал кто-то впереди. – Вы создаете давку! Спокойно! Не...

Беднягу снесли, и он упал, закрыв голову руками.

Хельга, пробегающая рядом, тут же ринулась спасти жертву, а мне пришлось ей помогать. Давка стояла жуткая. Подняв парнишку, мы наконец добрались до общежития и, воспользовавшись отсутствием коменданта, провели пострадавшего в свою комнату.

Спасенный был сильно помят и еще больше растерян, он говорил невпопад и все время растирал большой синяк на правой щеке. Бедняге здорово досталось от перепуганной толпы.

– Как тебя зовут? – спросила я, глядя на этого высокого bruneta с огромными синими глазами.

Волосы его оказались всклокочены, лицо выдавало “породу”, а одежда была пошита из хорошей дорогой ткани. Мальчик явно не бедный, но отчего-то сильно неуверенный в себе. Таким он показался мне на первый взгляд.

– Миртон Ениган. – Вскочив, он протянул мне руку и легонько пожал мою ладонь. Потом посмотрел на Хельгу. Но та, распахнув окно, пыталась выпасть наружу, высунувшись почти всем телом.

– Ничего не видно отсюда! – выдала Хиткович раздосадованно. – Как бы хорошо иметь комнату в западном крыле!

– Я предвидел все это! – шагнув к ней, сообщил Миртон Ениган. – Предвидел! Понимаете?

Его голос под конец речи слегка осип.

– В каком смысле? – Хельга, к моему облегчению, отошла от окна и подала молодому человеку стакан с водой.

– Я знал, что горгулья полетит! – воодушевленно продолжал Миртон. – И видел на кладбище восставший труп! Сначала один, потом еще и еще! Но не успел никого предупредить!

– Тебе бы лекарю показаться. Подлечить... горло. Осип совсем! – Хиткович выразительно посмотрела на меня. – Наверное, нас комендант отругает, если узнает, что мы парня провели без спроса?

– Ох, я не хотел создавать вам неприятности, – расстроился Миртон. – Сейчас уйду. Спасибо, что не бросили меня там. Признаться, я не ожидал, что люди настолько...

– Ты ясновидец? – перебила парня я.

– Да, с третьего курса. – Он печально улыбнулся, на щеках появились шkodливые ямочки. – Но у меня приобретенный дар. Не врожденный. Потому он проявляется спонтанно и немного необычно, как болезненный приступ, что очень затрудняет жизнь.

– Представляю, – хмыкнула Хельга. – Ну ты иди, иди!

Я укоризненно посмотрела на соседку, вспоминая, как мы познакомились несколько часов назад. Тогда она вкатила в комнату телегу с растениями, не брезгующими перекусить человеком.

Кроме того, меня терзал шкурный интерес: какого рода видения преследуют мистера Енигана?

– Я думаю, Миртон, тебе нужно остаться, пока мы не убедимся, что все в порядке, – сказала с нажимом. – Ты все еще выглядишь очень бледным. Полагаю, комендант поймет и простит нам порыв милосердия.

– Спасибо вам, леди. – Ениган снова улыбнулся. – Вообще мужчинам не свойственно признаваться в страхах, но сегодня, мне кажется, случай особый! И я испугался! – Он отпил немного воды и, подавшись вперед, принялся жадно излагать весь тот бардак, что царил в его голове: – Начнем с того, что я проснулся от кошмара. Но все было, словно я сам проживаю случившееся. Как уже сказал, горгулья ожила! Я во сне был наблюдателем – не видел себя со стороны, только других! Но знаю, что смотрел на статую от юго-западных ворот еще до того, как она ожила. Знал, что вот-вот случится страшное, и пытался это в себе побороть. Я устал от предчувствий. У меня kloкотало в груди, стучало в висках, кровь прилила к лицу. Да так, что казалось, глаза от напряжения наружу

вылезут! Я почти убедил себя, что на этот раз все обойдется, но тут камень заскрежетал и исполин взметнулся в небо! Это было прекрасно и жутко одновременно... Словно легенда ожила. Потом я провалился в темноту, лишь слышал сбитое дыхание, голоса, спешные шаги. И вот снова в глазах прояснилось. Но лучше бы я уже проснулся! Там был оживший мертвец. Прямо передо мной! А следом шел еще один и еще... Я их не боялся, двигался навстречу и чувствовал азарт! Представляете? Еще подумал, что без посоха не обойтись...

Дверь в комнату с треском распахнулась.

– Ура гнилым головешкам, вы здесь! – поприветствовала нас Виктория Стоун. – Там такой ужас, не представляете! А они сидят, водичку пьют! А ну-ка дай...

Отняв у обомлевшего и внезапно притихшего Енигана стакан, Вики в несколько глотков допила воду и громко сообщила:

– Ладно! Вроде жить будем! Чего приуныли?

– Мы видели все своими глазами, – ответила ей я. – Отходим от шока. Кстати, знакомься, это...

– Ениган Предсказатель, – перебила меня Вики. – Знаю. Наслышана о твоих внезапных видениях. Это ведь ты заявлял, что тьма близко?

Парнишка внезапно нахмурился, опустил взгляд и вдруг вскочил, засобиравшись.

– Еще раз благодарю, что не бросили. Надеюсь, я не сильно вас утомил.

– Совсем не утомили, – попыталась снова удержать его я.

Хельга громко красноречиво зевнула.

Виктория приоткрыла дверь с самым дружелюбным комментарием из всех, что мне приходилось слышать:

– Заходи еще, если будет чем угостить трех милых дам. Я люблю мармелад, а Хельга редких траво-монстров. Элизабет, а ты?

– Я просто буду рада новой встрече.

– Это она из вежливости. Неси все, там разберемся.

– До свидания, – пробормотал Ениган, выбегая прочь из нашей комнаты.

Виктория проводила его взглядом и, закрыв дверь, побежала к кровати.

– Как тут мой Лапушка? Мне кажется, у него улыбка стала не такой радостной. Ему грустно.

– Неудивительно, – уже протирая листья своих растений, откликнулась Хельга. – Его настоящее “я” сегодня фениксом подрабатывало на глазах у половины академии. В огне – и выжило! Осталось убедиться, что оно в воде не тонет...

– Так вы серьезно все видели?! – Вики подошла ко мне, прижимая к груди куклу, желтые трусы которой чуть сползли с задней части, оголяя филей.

– Да, – ответила я, вспоминая натуральный вид Лапушки во всей нагой красе.

– И?

– И мастер Фенир устранил нечисть очищающим пламенем.

– Он стоял там голый! – с пакостной улыбкой дополнила Хельга. – Жаль, ты не видела!

– Ох, горелые угольки... – Виктория вернулась к своей кровати и сокрушенно покачала головой: – Теперь у него поклонниц еще больше станет! Мой проект... Только бы не погубить!

Я закатила глаза, снова услышав опостылевшую за день фразу, и уточнила у соседок по комнате:

– Вы вообще понимаете, что это не сон, не выдумки, не мифы! На кладбище был выброс темной магии! Если бы не каменная горгулья, вставшая на защиту академии, то мертвецы напали бы на живых! Возможно, это часть скорого прорыва! Какие проекты?..

– Если не сдам в конце года, конец света будет не страшен, – отмахнулась Виктория. – Ма с меня семь шкур снимет!

– Как бы мне на кладбище все-таки пробраться? – донеслись размышления вслух от Хельги. – Вдруг хоть что-то из травы уцелело?..

Наверное, в тот самый миг я окончательно осознала, что снова нахожусь в академии в качестве студентки. А здесь у всех было одно правило: война войной, а сдача экзаменов, зачетов и практических работ по расписанию. И – о, боги! – я с ужасом осознала, что скоро также должна буду решить, каким станет мой проект для защиты на итоговой годовой аттестации.

Жизнь человека не проста, а у студента жизнь еще сложнее!

Глава 4

Неделя пронеслась словно единый миг, я и опомниться не успела, как кутерьма учебы закружила меня, так что пришлось забыть обо всем на свете.

События на кладбище успели померкнуть в памяти и, похоже, не только у меня.

Если в первые дни все разговоры были о восставших мертвецах, то спустя пару дней с начала учебного года темы сменились на повседневно-студенческие. А именно: о страданиях студентов от учебы.

Лично я вот страдала от того вала знаний, который на меня обрушился одним махом. Пять лет пропуска – будто целая жизнь. Я отчетливо осознала, что в моей голове почти пусто, и мне просто жизненно необходимо восполнить все, что я когда-то знала от корки до корки. И если с большинством предметов я справлялась достаточно успешно, пользуясь неким блатом среди

преподавателей (те, кто знал меня и трагедию моей семьи, давали послабления и возможность догнать остальных), то вот новые магистры требовали от меня по полной. Особенно злобствовала профессор истории магии. Ну вот казалось бы, на кой мне знать, в каком году умер первый траволог Великой Ритании, который получил Гномелевскую премию? Да я даже имени его не знала...

– Хельга, когда там твои сопливусы достигнут половой зрелости? – спросила я этим утром, глядя, как соседка читает им сводку новостей из свежей газеты. Оказывается, растениям даже это было полезно.

– Не сопливусы, а соптимусы. Через два месяца. А что? – немного отвлекаясь, спросила она.

– Хочу взять у тебя пару кустов и высадить их под окнами магистра Ризмар, – устало призналась я, потому что эта мысль упорно не желала покидать мою голову.

Рядом рассмеялась Виктория.

– Отличный план, Лизбет, – через хохот произнесла она, уже привычно сокращая мое имя. – Пусть они сожрут этой дряни голову, ну или хотя бы пару пальцев. Чтобы эта злыдня на зачеты не пришла. У нас как раз через два месяца первый!

Так я узнала, что с профессором истории нелады фактически у всех в академии, кроме...

– Да как вы можете? – возмутилась Хиткович. – Эти растения предназначены совершенно для других целей. А магистр Ризмар – прекрасная женщина, преданная профессии и науке.

– Бла-бла-бла, – отозвалась со своей кровати Виктория, чем, похоже, окончательно взбесила Хельгу.

Та подскочила с кровати и, отбрасывая недочитанную газету почему-то в мою сторону, кинулась на соседку. С кулаками.

Но драка не состоялась.

Не дойдя до кровати Стоун и двух шагов, Хиткович уткнулась в незримую стену, да так сильно, что, стукнувшись об нее, приплющила себе нос до крови.

– Ах ты! – еще больше взревела несчастная.

Но Виктория была невозмутима. Она достала из воздуха тот самый блокнот со схемами и с видом сумасшедшего ученого принялась его заполнять.

– Ага, так и запишем, – показательно громко продекламировала она. – Защита от сумасшедших мышек работает. Лапушка в безопасности!

– А-а-а-а-а-а-а-а, – взревела Хельга и умчалась прочь из комнаты, по всей видимости, в медпункт залечивать нос.

Двери за ней громко захлопнулись, а я, посмотрев соседке вслед, искренне ее пожалела.

– Зря ты так с ней, Виктория, – укоризненно произнесла я. – Она не заслужила подобного обращения.

– Да неужели? – вскинула бровь соседка. – Заметь, это не я на нее с кулаками бросилась, а она меня ударить хотела. А стена – всего лишь самозащита для меня и Лапушки.

Виктория посадила свою чудесатую куклу на подушку и бережно прикрыла ее одеялом.

– Ладно, мне пора. Через час пары. Кстати, у нас с тобой сегодня совместная лекция у Фенира. Кто-то в расписании додумался совместить общемагический факультет вместе с ведьмовским. Так что сядем вместе, заодно поможешь мне за ним понаблюдать. Нам нужно будет составить график частоты бросаемых на меня взглядов и мечтательных вздохов. Пора бы ему уже начать проявлять знаки внимания более активно.

– Нам? – удивилась я тому, как быстро меня припахали в работу над чужим проектом.

– Ну конечно же нам, – усмехнулась Виктория. – Кроме тебя и Хельги никто не в курсе о Лапушке. Но ее имя я не готова вносить в список помощников.

– А мое, значит, внесешь? – не поверила я такой щедрости.

– Само собой, – легко пообещала соседка и даже похлопала меня по плечу. – Все, Лизбет. Не скучай, я побежала.

Через пару мгновений дверь закрылась и за ней.

Так я впервые за долгое время осталась в комнате одна. Возможно, следовало бы тоже выйти пораньше и поспешить под двери аудитории, но я решила, что могу позволить себе еще минут десять отдыха. Например, за чтением газеты.

Развернув оную, я погрузилась в сводки местных Карингтонских новостей. Вот опять авария на переходе Пикси, кто-то сорвался в обрыв. Новый громкий арест какого-то преступника – Серые Пастыри провели задержание. Свадьба дочери мэра Мойса. Ну и так далее, много-много не особо интересной для меня информации.

По давней привычке я перевернула газету на последнюю страницу и заглянула в колонку, которая всегда интересовала меня больше всего. Некрологи.

Да, знаю, странное хобби. Но для меня было что-то успокаивающее в их чтении, особенно когда я не находила знакомых фамилий. Или находила. Например – свою вымышленную, которую в очередной раз решила похоронить, прежде чем кто-то догадается совместить разные трагические события с моим появлением. И понять, кто я такая...

Хотя я сама, если честно, не до конца понимала природу своего дара. Просто знала – если поймут, мне конец. Серые Пастыри предпочитают держать таких, как я, взаперти, а еще лучше в магической изоляции... а то, по мнению простого народа, мы беду кликаем. Приносим ее всюду – где бы ни появлялись. И проще избавиться от такой, как я, чем объяснять каждому, что он ошибается.

Итак, некрологи.

Я пробежалась по пяти столбикам взглядом, поскорбела вместе с прихожанами церкви святого Гоблина, у них умер святой орк. Опечалилась кончине местного художника, великий был человек. И даже уход неизвестной Сьюзен Колинз заставил взгрустнуть.

Я уже готовилась отложить газету, когда что-то кольнуло меня в грудь и заставило перечитать последний некролог еще раз.

“Коллектив гостиницы «Пристань путника» скорбит о потере Сьюзен Колинз. Она была лучшей сотрудницей и запомнилась всем нашим клиентам как превосходная актриса и певица. Светлая память тебе, наша солнечная Сью...”

Солнечная.

Рыжая.

В памяти вспыхнул образ той самой придорожной гостиницы, где я ночевала до приезда в академию, и утро, когда встретила Виктора Фенира. Он ведь спустился тогда с двумя девушками, и я точно помнила, что одну из них звали Сью, более того, кажется, я видела ее в своем видении позже...

Только потом забыла.

Она просто выскользнула у меня из головы, а ведь я даже собиралась наведаться в трактир снова. И вот сегодня прочла, что девушка мертва.

Я все же отбросила газету в сторону и схватилась за голову.

Неужели опять начинается? Но почему так быстро? Обычно у меня был хотя бы год тишины и покоя на новом месте. Почему я опять вижу все эти знамения зла?

Голову буквально разламывало от вопросов, и мне хотелось кричать. Я ведь не предсказатель, хоть иногда и вижу будущее, а иногда прошлое. Я – нечто другое. Худшее из всего, что могла себе пожелать. И мои видения – это только ужасы. Смерти. Убийства. Трагедии. Я – как маяк, что манит обреченные души показать мне свою ужасную судьбу.

От нервов начала задыхаться. Воздух буквально исчез из моей груди, и я обхватила себя руками, попыталась успокоиться, но тело меня предавало. Зрение вновь исчезало.

Стены комнаты подернулись дымкой и исчезли, являя вместо себя совершенно другое помещение.

Это был чей-то кабинет. Очень просторный, ярко освещенный солнечным светом и богато обставленный дорогой мебелью из красного дерева. За огромным рабочим столом лицом ко мне сидел мужчина – я сразу узнала в нем ректора Гордона Фенира. А вот его собеседник располагался ко мне спиной, но даже так я поняла, кто это – его брат Виктор.

– Ко мне приходил следователь по делу, – произнес ректор. – Сказал, что ты отказался давать показания.

– У меня нет времени на эти глупости, – Виктор отмахнулся от слов старшего брата. – К тому же мне пришлось бы пропустить лекции.

– Это не шутки, – стукнул по столу Гордон. – Умерли девушки. И так вышло, что ты знал обеих. Совпадение? Две девушки с разных концов города, Вик! Многие ли могут похвастать личным знакомством с обеими?

– Мне сказали, обе были представительницами очень древней профессии.

– Так и есть. Но убиты они одинаково. Через день после встречи с тобой.

– Думаешь, я их убил? – Из уст младшего брата слетел смешок. – Тогда арестуй меня.

– Я говорю тебе, что есть возможная связь! Ты ведь спал с ними.

– И что? Они обе были придорожными шлюхами. Да с ними мог спать кто угодно, так же как и убить. Гордон, поверь, если бы кто-то убивал всех, с кем провел ночь конкретно я, список его жертв был бы значительно шире.

Показалось, будто Виктор говорил об этом с гордостью, и я, даже будучи в видении, ощутила очередное разочарование в этом типе. И что только в нем находят, кроме смазливой морды? Кстати, о морде: моя точка зрения неожиданно сменилась, теперь я видела лицо преподавателя.

– Хорошо, скажи, кого там убили? – все же переспросил Виктор у брата.

– Если я скажу тебе их имена, ты все равно не вспомнишь. С твоей идиотской памятью. – Ректор принялся открывать ящики стола, пока не извлек оттуда папку. – Это оставил следователь и пока еще вежливо попросил, чтобы ты взглянул.

Папка переключалась в руки Виктора. Внутри лежало два снимка. Первую девушку я узнала по рыжим волосам – Сьюзен. Кто-то убил ее, вставив что-то острое в сердце и изуродовав лицо глубоким кровавым росчерком. А вот волосы выделялись на фото ярким пятном, настолько ярким, что было сложно отвести взгляд даже от такого жуткого зрелища, как убийство.

А вот вторую девушку – брюнетку – я не знала. Зато Виктор явно вспомнил.

– Вот эту жалко, – цокнул языком он, показывая брату на второе фото. – Хороша чертовка была. Если не ошибаюсь, жила на Западном побережье возле Мидлтона. Я вел там лекции.

– Все верно, – подтвердил Гордон.

– А вот эта... – Виктор поморщился, явно напрягая память. – Рыжая. Ага, а ты говорил, я не вспомню. Отличный зад...

– Избавь меня от подробностей, – осадил его брат. – Тебе есть что сказать по делу?

Фенир-младший задумался. В кабинете повисла пауза. И все бы ничего, если бы мое внимание сейчас привлекал не сам Виктор, а тьма, клубившаяся за его спиной. Она обступала его плотной дымкой, жалась, ластилась к нему, будто котенок к матери-кошке. Буквально окутывала мужчину собой, словно одеялом...

– Нет, – захлопнул папку магистр, и вместе с этим хлопком тьма исчезла. – Мне нечего сказать. Пусть следователи ищут в другом месте, я точно ни при чем.

– Хорошо, – с тяжелым вздохом ответил ему брат. – Я передам им. А теперь иди, у тебя лекции, уже даже звонок прозвенел. На сегодня разговор окончен.

Стоило этим словам отзвучать, как и мое видение развеялось в никуда. Меня вышвырнуло из ректорского кабинета обратно в мою комнату... где я по-прежнему была одна и, кажется, уже опаздывала на пары.

* * *

Я прибежала на урок раньше, чем Виктор Фенир.

Ворвавшись в кабинет, быстро посмотрела на пустующее место за столом и сразу услышала крик Виктории:

– Сюда, Лизбет! – она помахала мне рукой, а затем похлопала по пустующему месту рядом с собой.

Я быстро пробралась к соседке и только успела сесть, как дверь распахнулась, являя нам невозмутимого и прекрасного покорителя сердец всея академии.

– Приветствую! – буркнул он на ходу. – Записываем тему урока! Нечисть!

Я удивленно уставилась на Викторию.

– Разве у нас не должно быть вводного занятия? Рассказа о том, что мы будем изучать на его предметах? И...

– Тихо! – шикнула на меня Вики. – Я из-за тебя ничего не слышу.

– Козуры. Кто это? Кто знает? – тем временем задал вопрос преподаватель.

Лес рук. Некоторые девушки даже привстали, чтобы их было лучше видно. Виктор Фенир ткнул в парня.

– Каменные чудовища, – проговорил студент. – С железными зубами. Живут в лесных чащах. Могут питаться и растительностью, но их излюбленной пищей все-таки остаются люди. Их изображают невысокими одноглазыми существами с крупными когтистыми конечностями. Жертвами козуров чаще всего становятся одинокие путники, потерявшие в лесу.

– Отлично. Следующее существо: буон. Кто это?

Снова лес рук. Снова Виктор выбрал молодого человека.

– Пожиратель снов! – радостно ответил парень. – Его можно призвать, когда мучаешься кошмарами, и тогда буон заберет плохие сны.

– И? – Фенир, подошедший к столу, раскрыл журнал, пробежался глазами по фамилиям.

– И... – Студент растерянно оглянулся на остальных. Не дождавшись помощи, продолжил сам: – Потом его надо прогнать, чтобы буон не стал воровать и хорошие сны. Потому что он всеяден.

– А как его прогнать? – Фенир посмотрел на отвечавшего, и тот совсем стушевался.

– Там что-то в пентаграмме призыва изменить...

– Прогнать его можно только жертвой, – припечатал Виктор. – Буон уйдет назад за грань лишь тогда, когда призвавший его отдаст частицу себя. И срезать волосы или ногти – это не то. Ему нужно что-то посущественнее, скажем, ваш палец.

– О-о-о, – прокатилось по аудитории.

– Об этом не пишут в учебной литературе второго курса, – усмехнулся Фенир. – Про призыв что-то есть, а как отделаться – ни слова. Думайте! Думайте, прежде чем совершать глупость, которая только на первый взгляд кажется вам безобидной! Дальше. Пикси, брауни. Кто расскажет о них?

Девушки не отчаивались, продолжая тянуть руки и выставлять напоказ декольте.

Я повернулась к Виктории, чтобы поделиться соображением насчет того, что пикси и брауни не совсем нормально причислять к нечисти. Все же они не могут причинить столь значимого урона, как козур или буон...

– Тоже заметила? – шепнула мне Виктория, не дав сказать и слова. – Он посмотрел на меня. Я записала. Счет открыт!

– Вы! – Тем временем Фенир кого-то выбрал для ответа.

Усмехнувшись, я взяла перо и записала тему урока.

– Вы глухая?! – донесся раздраженный голос профессора.

И тут же Виктория ткнула меня локтем в бок. Я подняла голову и поняла, что вопрос обращен ко мне. Вот уж подфартило!

– Оу! – Поднявшись, пожала плечами и сообщила: – Пикси – это небольшие милые создания ростом около фута-полутора.

– Милые? – Брови Фенира полезли наверх.

– Ну да, – осторожно подтвердила я. – У них острые ушки, маленькие прозрачные крылья... Есть несколько видов пикси: какие-то проживают у болот, какие-то в лесу, а некоторые в парковых рощах. Но для людей они практически безобидны. Иногда сбивают путников с пути, но...

– Без но! – Фенир покачал головой. – Сбивают с пути, и путники попадают в болота. Или – что гораздо интереснее – на изнанку мира, за грань! И правда, очень безобидные малые. А что вы скажете о брауни?

– Брауни – это домашние духи. Они невысокие, сутулые, с темным цветом кожи... Нелюдимые, но часто селятся вблизи людей, чтобы помогать по хозяйству. Заставить их работать на себя нельзя, но можно оказать им услугу, и тогда брауни могут убирать дом и помогать по хозяйству безвозмездно. Они почти

незаметны – стараются не попадаться людям на глаза, приходят ночью и доделывают все, что не успели люди днем. И им ничего не нужно взамен, кроме миски молока и куска свежей лепешки.

Я улыбнулась, вспоминая ту самую гостиницу, где пришлось ночевать в последний раз. Жаль, самого помощника хозяина так и не довелось посмотреть.

– Какая идиллия, – умилился Фенир, дослушав меня. – А как насчет случаев перевоплощения брауни в боггартов? Злых маленьких уродцев, сводящих с ума обитателей дома? Вот не поставили вы любимцу миску молока. Или поставили, а оно прокисло. И все! Вы знаете, что боггарт привязан к дому? И все его пакости будут продолжаться, пока дом не сожгут дотла вместе с этой тварью!

Заканчивал свою речь Фенир очень громко, и его глаза сияли жаждой расправы. Натуральный псих, честное слово! Я собиралась уже сказать ему, что случаев перевоплощение брауни в боггарта за последние пятьдесят лет было ничтожно мало, но тут поняла, что стала объектом пристального внимания всех двух групп студентов. Они смотрели с осуждением, и казалось, стоит профессуру скомандовать “Фас!”, и меня растерзают.

– Вы осознали свою ошибку? – спросил Фенир после затянувшегося молчания.

– Всей душой! – ответила я, старательно пряча насмешку в уголках губ.

На миг показалось, что преподаватель недоволен ответом. Он прищурился и посмотрел на меня тем же взглядом, что и в гостинице несколько дней назад. Будто видел насквозь. Захотелось спрятаться под стол и не показываться до конца учебного года.

– Садитесь, студентка?..

– Элизабет Чарльстон, – отозвалась я, но преподаватель уже не слушал.

– Следующее существо...

Лекция продолжилась в прежнем режиме, только теперь мужчина чередовал по ответам и девушек, и парней. И каждый, кто не говорил ужасов о названных им

существах, попадал в немилость. Потому что по версии Виктора Фенира опасны были все! Без исключения.

Дальше учебный день шел как всегда, и я уже предвкушала, как приду в свою комнату и свалюсь на час другой в крепкий здоровый сон, но тут случилось новое видение.

Я просто шла по коридору, когда поняла, что картинка впереди поплыла. Такого прежде никогда не случалось, потому все, что я ощутила – был дикий страх.

Видение перенесло меня на улицу, в городскую часть. Высокая красивая рыжая девушка прогуливалась по дорожке неподалеку от центрального рынка. Слышны были крики зазывал, приглашающих купить у них новинку сезона. А девушку тем временем догнал мальчишка лет одиннадцати.

– Розы! – крикнул он. – Скорее, Пит зовет. Клиент приехал и хочет только рыжую.

– У меня смена окончена, – с явным недовольством отозвалась красотка.

– Он платит двойную цену! Иди скорее, ты обалдеешь, когда увидишь, кто там!

– Хорошо. Беги вперед, скажи, чтоб Пит принес воды в комнату девочек. Я следом.

Видение испарилось.

Я без сил привалилась к стене и прикрыла глаза, пытаюсь осмыслить увиденное.

Снова рыжая девушка. И клиент, желающий именно ее немедленно.

Виктор Фенир? Неизвестно. Но по всему выходило, что у неведомого убийцы появилась новая жертва. Как бы хотелось ошибиться с выводами!

– Эй, – меня тряхнули за плечо, и я открыла глаза. – Тебе плохо?

Передо мной стоял Миртон Ениган. Он обеспокоенно вглядывался в мое лицо и качал головой:

– Привет, Элизабет. Не знаю, помнишь ли ты меня. Миртон. Проводить тебя в медпункт?

– Нет. – Я улыбнулась через силу. – Привет. Конечно, я тебя помню. А со мной ничего страшного – просто учеба.

– Уверена? – Ениган поежился. – Ты так стонала. Тихо, жалостливо. У меня даже мурашки пошли по коже и волоски дыбом на руках. Честное слово. Вот, смотри.

Он поднес свою руку к моему лицу. Сама непосредственность во плоти!

Что бы он сказал, начини я кричать?

Я недовольно поджала губы. Мой дар – он же проклятье – усилился с возвращением домой и снова перестал подчиняться. И это было плохо, если не сказать ужасно.

– Все в порядке, – сказала тем временем, – голова немного разболелась, оттого и стонала. Слушай, если предложение еще в силе, ты и правда можешь кое-куда проводить меня.

– С удовольствием. – Он предложил мне опереться на локоть. – Куда?

Приняв приглашение, я, решившись на небольшую авантюру, сообщила:

– Говорят, у Виктора Фенира есть своя лаборатория? Мне туда.

– И ты? – с долей разочарования спросил Ениган. – Впрочем, это не мое дело. А лаборатория и правда есть. Нам налево.

Во время всего пути до лаборатории я думала о том, зачем вообще во все это ввязываюсь? Ну что мне мешает сейчас развернуться и пойти в свою комнату, проигнорировав зудящее в мозгу видение, и просто жить дальше?

Но по прошлому опыту я уже знала – так поступить не выйдет. Картинки в моей голове станут лишь настойчивее, такова природа данного мне судьбой дара...

К тому же я и сама не могла просто отвернуться. Образ девушки, увиденной в последних видениях, преследовал меня. Я чувствовала, что она все еще жива, но вот надолго ли?

Возможно, Виктор Фенир был ни при чем, но та тьма, которую я заметила за его спиной, вела к брату ректора. Это была единственная зацепка. Не просто так я ее увидела.

Мои “предчувствия” вообще редко были “просто так”.

Больше того, стоило вернуться домой, как видения многократно усилились, не дав мне и малейшей передышки! Они все меньше поддавались контролю, пугая меня до невозможности. Ведь если такая, как я, теряет контроль, то Серые Пастыри тут же оказываются рядом...

Способ избежать новых приступов был лишь один: выяснить, что к чему, раньше чем меня обнаружат и закроют в Обители Пастырей[3 - В Обители Пастырей живут маги, потерявшие контроль над своей магией.] как опасную для общества.

– Ну вот, пришли. – Ениган указал на дубовую дверь с надписью: “Применение магии внутри помещения запрещено. Взрывоопасно”.

– Спасибо, – поблагодарила я и двинулась туда.

– Не за что, – совсем уж разочарованно протянул Миртон, видимо, окончательно приписывая меня к списку поклонниц Фенира.

Разубеждать я его не стала, хотя идея притвориться воздыхательницей этого хлыща меня совершенно не прельщала. У меня был другой план: подобраться и присмотреться к нему ближе. Понять, кто он и почему жутковатого вида тьма так благоволит ему.

Пока раздумывала, как начну разговор с профессором, дубовые двери неожиданно распахнулись и оттуда вылетел запыханный юноша со значком выпускного курса на вороте.

– Я будущий дипломированный специалист, магистр Фенир, – гордо заявил он. – В объявлении о поиске лаборанта для вас и речи не было про мытье полов!

– Еще скажи, что ты – выше этого, – раздался из-за двери насмешливый голос. – А вот по поводу твоего диплома стоит очень призадуматься. Кому нужен маг-белоручка? Мне точно нет. Если решил, что папочка все устроит, то зря! Он сунул тебя в академию и протезировал все годы обучения, но это не значит, что я готов терпеть выскочек, Мойс.

Выпускник лишь фыркнул, напроць игнорируя замечание магистра. Я же напрягла память, вспоминая, где слышала эту фамилию.

Точно! Видела утром в газете, когда читала новости о свадьбе дочери мэра Мойса. Стало быть, его сынок только что отказался работать у Фенира?

Что ж, это мой шанс!

Стоило только пятикурснику исчезнуть за поворотом коридора, я уже стучалась в дубовые двери.

– Что? Передумал? – раздалось с той стороны. – Входи. Ведро и тряпка под умывальником.

Я толкнула дверь и тихо шмыгнула внутрь лаборатории. Быстренько огляделась. Старые, сильно истертые столы, какие-то приборы, наборы колб и мензурок на подставках. Причем грязных и пыльных. Особенно выделялась одна – двухлитровая с загнутым набок узким горлом. Ее будто век не мыли.

Не совсем так я представляла лабораторию магистра по магическим существам, и тем не менее, магическая химия – это тоже популярная сфера науки.

– Не понял! А ты еще кто? – Виктор Фенир хмуро разглядывал мою персону, сидя за столом у окна над огромным фолиантом.

Меня он, похоже, вновь не узнавал, хотя с лекции прошла всего пара часов.

– Элизабет Чарльстон, – снова представилась я.

И только в этот миг проблеск понимания мелькнул на лице профессора.

– А! Любительница пикси и брауни, – вспомнил он, захлопывая книгу и поднимаясь из-за стола. – И что ты тут делаешь?

– Пришла устраиваться к вам лаборанткой, – мило улыбнувшись, выдала я. – Слышала, вам срочно нужен новый помощник.

– О как! Клянусь, слухи в этой академии разлетаются быстрее, чем я успеваю их генерировать! – Фенир, почему-то прихрамывая, обошел свой стол и присел на его краешек, скрещая руки на груди. – Что ж, совершенно верно, мне нужен помощник. Только вы не уловили сути, леди. Нужен именно парень: сообразительный, физически развитый, пригодный для тяжелой и опасной работы, а не вот это вот все!

Он показательно обвел руками мой женский силуэт, явственно показывая, какое именно “все” его не устраивает.

В этот миг меня наконец осенило. Похоже, от женского внимания в стенах академии Фенир все-таки утомился или его припугнули последствиями связи со студентками... В любом случае мужчина старался тщательно оградить себя от неумных гормональных всплесков жаждущих любви девиц.

– Вы не поняли, – опять начала я. – Мне бы действительно место лаборанта. Именно работать, а не “вот это вот все”.

И я тоже показательно обвела руками, только на этот раз не женский, а мужской силуэт.

Фенир вскинул брови. Несколько секунд стояла оглушительная тишина, а потом он заржал. Громко, откровенно и открыто.

– А ты ничего, – неожиданно оценил профессор. – Допустим, я поверю, что ты не очередная романтично настроенная милашка. И что ты умеешь делать? Почему я должен выбрать именно тебя?

Произнес он это таким тоном, будто за дверью собралась очередь из желающих. Я уже хотела сказать, что там пусто, но тут же передумала. Если учесть, сколько девушек сохнет по Фениру, стоит только профессору щелкнуть пальцами, и за дверями действительно окажется толпа жаждущих мыть полы.

– Я могу вымыть вашу колбу! – выдала я, вспоминая об огромной пыльной штуке за моей спиной. – Уверена, ни один парень не справится с этой задачей лучше!

Брови профессора полезли вверх.

– Мою? Колбу? В высшей степени оригинально. Продолжай, – одобрительно разрешил он.

– Я даже наполировать могу, – радостно произнесла я, чувствуя, что нащупала слабое место Фенира: его любовь к чистоте. – До блеска! Будет не стыдно людям показать!

Глаза магистра округлились. Почудилось, что он даже икнул.

– Мне, конечно, всякое предлагали, но твоя форма подачи, пожалуй, самая оригинальная. Даже грех отказываться.

– Так не отказывайтесь! – настойчиво продолжала я. – Сейчас все сделаю в лучшем виде, и вы убедитесь наглядно! Только за ершиком сбегая!

Фенир подавился, закашлялся.

– 3-зачем ершик? – сдавленно выдавил он, пытаясь побороть кашель.

– Что значит зачем? Не голыми же руками мне все это делать?

С этими словами, пока Фенир не опомнился, я нашла ту самую раковину, о которой он кричал бывшему претенденту на должность, и, вооружившись

обычным ведром, полным воды, и ершиком, повернулась к профессору.

– Сейчас-сейчас, – пообещала совсем ошалевшему от счастья преподавателю. – Вы не пожалеете!

Он отступил, ударился об угол стола и зашипел.

Я в это время двинулась к цели.

Почти двадцать минут я занималась чисткой той самой гигантской колбицы под недоверчиво-хмурым взглядом Фенира, который обошел меня по широкой дуге и теперь смотрел от двери, будто готовый бежать в любой момент.

Сил потратила немало, жалея лишь о том, что применять магию в лаборатории нельзя. Так бы пара заклинаний – и все у меня здесь засияло!

Правда, запоздало подумала, что почистить всю эту магохимическую утварь можно было бы и снаружи. Но решив, что это тоже могло оказаться опасным (мало ли что в этих мензурках раньше было), поняла – руками и водой с ершиком надежнее.

– Ну как? – спустя некоторое время спросила я, демонстрируя свою работу.

Колбица сияла и переливалась на свету. Красотища!

– Действительно отполировала, – мрачно выдавил мужчина. – Только это не колба, мисс Чарльстон, а реторта. Очень важно не путать такие понятия.

– Ой! – Решив, что он прав и в моем возрасте положено и самой знать подобные вещи, потупила взгляд и покаялась: – Простите, профессор. Я готова выучить все названия.

– Не нужно, – отмахнулся Фенир, все-таки приближаясь. – Мне эти склянки все равно не нужны. Я же не химик. Данное богатство досталось от предшественника. Еще вчера должны были вынести, но не успели.

– Ой! – Я издала еще один дурацкий звук, а про себя чертыхнулась. – Так все зря, что ли?

Настроение испортилось, а я ощущала себя круглой дурой. Надо же было так опростоволоситься.

– Почему зря?

Фенир пригнулся, придирчиво осмотрел реторту, потом ершик в моих руках, усмехнулся каким-то своим мыслям и снова, прихрамывая, вернулся к стулу, на котором сидел, когда я вошла, и только тогда озвучил решение:

– Считай, твоя кандидатура меня устроила. Завтра жду после занятий здесь. Поможешь с уборкой.

– Да, конечно, – возрадовались я своей, пусть и нелепой, но победе.

Хотя было бы чему радоваться. Меня взяли полемойкой. Меня! Леди Чарльстон. Отца бы удар хватил.

Но чего только не сделаешь, чтобы разобраться с видениями.

– Сейчас я могу идти? – уточнила, понимая вдруг, как сильно устала.

– Да, – сев за стол, отмахнулся Фенир, будто тут же меня забывая.

Я уже была у двери, когда магистр окликнул:

– Стой. Ну-ка, подойди сюда ближе.

Пришлось вернуться к самому столу и замереть.

– Что-то еще?

– Не совсем. Просто постой так. Дай-ка я тебя рассмотрю. – Фенир принялся пристально изучать меня взглядом.

Это было странно, но он будто медленно меня ощупывал. Захотелось сбежать куда подальше, потому что поведение профессора выглядело как минимум странным.

– М-да, – недовольно выдохнул он спустя некоторое время. – Не получается. Ладно, может, в следующий раз. Идите, Элизабет.

Он указал рукой в сторону выхода, на этот раз уже окончательно, а я так и не решилась спросить, что же у Фенира там не получается.

В любом случае профессор точно был психом. Самым натуральным, с нехилыми такими странностями. Поэтому, если когда-нибудь выяснится, что он каким-то образом действительно причастен к убийствам девушек, я не сильно удивлюсь.

С другой стороны, за себя, как ни странно, я совершенно не боялась. Жуткий дар, проявившийся во мне пять лет назад, не только предупреждал о чужих несчастьях, но и меня оберегал. Если бы рядом с Фениром было опасно, я бы чувствовала.

Остаток дня прошел без происшествий, а вот перед сном меня ждал сюрприз.

– Это правда? – гневно сверкая глазами, спросила Виктория, врываясь в нашу комнату и надвигаясь на меня с видом тарана, не ведающего преград на пути. – Ты будешь прислуживать Лапушке?!

Я прикрыла учебник по истории магии и покачала головой:

– Ничего подобного. Прислуживать Виктору Фениру меня не заставит никто и ничто.

– Да? А говорят иначе!

– И что говорят? – я усмехнулась. – Расскажешь?

Виктория нахмурилась, села на мою кровать и выдала без тени раскаяния:

– Мол, некая Элизабет Чарльстон, восстановившаяся в академии после долгих лет отсутствия, каким-то непостижимым образом заарканила Виктора! И он уже даже оформил тебя официально! Через ректорат записал в личные лаборантки! Короче, по слухам, ты – его любовница! Это невероятно! Как ты этого добила?

Я отложила книгу, поняв, что читать сегодня больше не стану.

– Определись, пожалуйста, – попросила я, яростно блеснув глазами, – меня взяли прислуживать или в любовницы?

– Какая разница? – не поняла соседка.

– Огромная.

– Не заговаривай мне зубы, Лизбет! Одно другому не мешает! Скажи, что из этого правда?

– Ни то, ни другое. Я не служанка, а леди из рода Чарльстон! Что касается второго пункта – если я когда-нибудь захочу стать чьей-то любовницей, то точно не Фенира! Надеюсь, провидение меня убережет! На твоём Лапушке пробы ставить негде. Это отвратительно!

– На ком пробы?.. – переспросила Вики. – Ты в своем уме, Лизбет? Про мужчин так не говорят! Он просто... просто востребованный у женщин. Потому что красив, умен, силен и...

– И залапан сотнями женских рук, – кивнула я. – Он – как одежда с чужого плеча, ношенная множеством других женщин. Понимаешь? Пропитан их запахами, ничего своего для тебя или для меня у него не осталось!

Меня просто трясло от гнева.

– Вот ты ненормальная! – поразила Виктория. – Может, и замуж пойдешь за чистого и невинного? Ты хоть представление имеешь, о чем говоришь, Лизбет? Так завестись из-за ерунды! Девственники, между нами, девочками, – еще хуже! Они будут смотреть на тебя и не понимать, что делать. Вот это – действительно отвратительно. Поверь! Розы Боун с моего факультета пробовала завести

отношения с одним таким... Ох и смеху было, когда она рассказывала о его метаниях!

Из противоположного конца комнаты раздалось тихое презрительное фырканье. Оказывается, Хельга, так же как и я, прекратила читать учебник и внимательно слушала наш с Вики разговор.

– Если уж на ком-то и негде ставить пробы, то это на вашей Розе, – сказала она. – Вот уж точно прекрасная пара для Виктора Фенира. Они бы нашли чем развлечь друг друга, а потом Роза долго и со вкусом рассказывала бы каждую подробность в громкоговоритель.

– Вы посмотрите, кто заговорил! – вскинулась Виктория. – Тебе ли жаловаться? Хоть послушаешь, как у других людей отношения развиваются!

– Кого ты считаешь людьми?! Тех бездарей, что...

Я закатила глаза к потолку, устало вздохнула и навела на себя палец, проговаривая вполголоса заклинание временной глухоты.

Девушки махали руками, корчили рожи, мимо несколько раз пролетели подушки. Я отрешенно следила за всем этим со своей кровати и думала о том, что день грядущий мне готовит. Слух о том, что Фенир кого-то выделил среди студенток – это ерунда только в том случае, если именно тебя не записали в его любимицы. Теперь жди массы недовольных, требующих отстать от “принца” их грез.

С этими мыслями я и уснула, чтобы проснуться от ругани между соседками.

Сначала даже решила, что заклинание перестало действовать слишком быстро, но нет – оказалось, утром у Хельги и Виктории нашелся новый повод для споров.

Лапушка пропал!

– Верни! Верни его! Хуже будет! – кричала Вики.

– У меня его нет! Хоть обыщи, – отвечала Хельга, прыгая рядом со своими растениями и загораживая их собой. – Не тронь соптимусы! Убью!

– Это я тебя убью! И зелень твою в суп скрошу!

Я откинула одеяло и громко застонала, массируя виски. Затем решительно вскинула руки, потрясла пальцами для расслабления и... проговорила заклинание, указывая на скандалисток. Они замерли в весьма неудобных позах. Наступила благословенная тишина.

– Как же вы меня достали, – сказала, не представляя, как еще унять этих двоих, если не применить магию. – Простите, но у меня не было выбора. Придется вам минут десять постоять так, обдумывая все гадости про себя.

За то время, пока действовало заклинание, я сходила умыться, оделась, собралась и ушла, не чувствуя себя виноватой и не извиняясь.

В столовую входила, с интересом прислушиваясь к шепоту окружающих. Спустя несколько минут поняла очевидное – слухи про меня и профессора действительно расползлись, как заразная болезнь, а я снова стала местной знаменитостью. Впервые это случилось больше пяти лет назад, когда в пожаре погибли родители, и вот повторение... Теперь я прославилась с новой стороны. Прелесть. Спасибо Виктору Фениру.

Завтрак с трудом проваливался по пищеводу в желудок, а в голове то и дело проносились нехорошие мысли. Зачем я пошла к профессору вчера? Нужно было придумать иной план!

– Ага! – Рядом с моим подносом опустился другой. Напротив села Виктория. – Ловко ты нас! Думаешь, я обиделась? Вот и нет. Хотя при случае отомщу, тут уж не обижайся, такова моя ведьмовская суть. Чего грустишь, Лизбет?

Я устало посмотрела на пышущую оптимизмом соседку.

– Есть причины.

– У тебя есть? Да брось! Вот у меня!.. Кстати, Лизи, – Виктория перешла на шепот, – ты не представляешь, что произошло. – Она чуть пригнула голову и, округлив глаза, сообщила: – Мой Лапушка пропал ночью. Собственно, поэтому мы и ругались с Хиткович!

– Я его не брала, – решила сказать сразу.

– Угу. Я на тебя и не подумала! – кивнула Вики. – А мисс Травоведение давно на него покушалась! Понятия не имею, как она все провернула, но даром ей это не пройдет. И знаешь, обидней всего, что я не заметила, как она его назад подложила! Теперь Хиткович называет меня ненормальной. Говорит, я сама уронила Лапушку под кровать, а потом на нее налетела.

– Не понимаю. Так кукла нашлась?

– Да, мой ненаглядный уже на месте, – Вики поджала губы, покачала головой, – но это было жутко. Проснуться и не найти его. Клянусь, я трижды смотрела под кроватью! А уж сколько раз под одеяло заглянула – не сосчитать. Ну и... Само собой, решила, что это Хиткович. Ты все слышала.

– Так он лежал под кроватью? – усмехнулась я.

– Не нужно так говорить, – Виктория стукнула открытой ладонью по столу. – Я ведь сказала – его там не было. Она подложила его после! Чтобы... чтобы свести меня с ума! И у меня есть доказательство! У Лапушки пропали сапоги.

– Что, прости? – я закашлялась.

Виктория постучала меня по спине и повторила шепотом:

– Сапожки. Помнишь, такие кожаные? Я сама их ему сшила. И теперь они испарились. Куклу-то она мне подложила, а обувь потеряла!

Кивнув, я продолжила жевать кашу.

– Не веришь? – Соседка загрустила. – Зря! На их факультете... этом биологическом... знаешь какие штуки делают? Они растения дрессируют, как животных! Так что, когда у тебя что-то пропадет, сразу смотри на ее соплеменуса!

Отодвинув от себя поднос, я уточнила:

– И где кукла сейчас?

– Спит, – отозвалась Виктория. – А куда мне его было девать? Создала вокруг защитный кокон и ушла на учебу. Не носить же Лапушку с собой?..

– А может, он у тебя сам ходит? – в шутку предположила я. – Как растения Хельги. Тогда его можно было бы признать нечистью, и ты таки получишь свою Гномелевскую премию.

– Смеешься надо мной? – взвилась Виктория. – Что ж, я докажу! Она обязательно снова посягнет на мой проект, но я буду готова! Вот увидишь! И вообще, пора на занятия, а то опоздаем!

Глава 5

Три следующих урока прошли как во сне.

Я бесконечно думала о странной кукле, символизирующей собой Виктора Фенира, о соседках, постоянно цепляющих друг друга, о тьме, преследующей профессора, и о рыжей девушке, спешившей на свидание к клиенту...

В голове царил сумбур. В довершение всего то и дело возникал один и тот же вопрос: куда пропали кожаные сапожки с Лапушки?!

Новые видения меня не посещали, предчувствие шептало, будто вскоре случится нечто плохое, и, как пик неприятностей, снова настал час занятий по магическим существам.

Девушки смотрели на меня, словно голодные волки на проходящего мимо зайца. Парни не скрывали презрения, но хотя бы вслух говорить гадости не осмеливались. А вот магистр Розмар молчать не стала, она сочла своим долгом подчеркнуть негативное отношение к моей связи с Фениром. Прямо магистр, разумеется, ничего не говорила, но намекнула весьма прозрачно:

– Поблажек я не делаю никому, запомните! Ни сватам, ни друзьям, ни тем, кто близок к ректору и его семье. Сдавать зачет будете все вместе по одним и тем же правилам!

И так она на меня в тот миг смотрела, что я мысленно взывала. Похоже, отныне история магии должна была стать моим любимым предметом...

Мне думалось, что худшее в тот день уже случилось, когда в аудиторию вошел Виктор Фенир, громко заявляя:

– Приветствую! Не будем тратить время зря. Сегодня вспомним тварей, о которых ходит больше всего слухов среди простого народа. Записывайте: мерроу, дохинай и банши!

На последнем слове меня чуть не парализовало от страха. Как? Зачем? Почему именно банши?..

Острое, почти болезненное чувство ужаса проникло в грудную клетку. Стало тяжело дышать. Неужели Фенир раскрыл меня?!

– Мерроу – это русалки, – те временем отвечала блондинка с первого ряда. Я же дрожала от страха, боясь выдать себя даже дыханием. – Они очень красивы и часто не прочь завести роман с обычными мужчинами.

– Обычными? – уточнил Фенир.

– Очень красивыми и сильно одаренными, – поправилась девушка. – Если мерроу беременеет, то потом выносит младенца на берег, призывая любовника и отдавая ему чадо, чтобы он рос среди людей. У таких детей часто есть чешуя на теле и перепонки между пальцами рук и ног. В остальном они не слишком отличаются...

– Иными словами, они могут жить и в воде, и на суше, – раздраженно перебил ее Фенир. – Да-да-да. И это вы называете не сильными отличиями? Новый вид существ – вот кто эти дети по факту! А что с мужчинами-мерроу?

– Если русалки-женщины очень красивы, то их мужчины уродливы. У них зеленые лица, пороссячи глаза и красные пяточки вместо носов...

– И тем не менее, они не выходят на сушу, чтоб искать близости с обычными женщинами. – Виктор покачал головой. – Нет. Только мерроу женского пола стараются распространить среди нас своих потомков! Сейчас их мало, потому как Серые Пастыри внимательно следят за популяцией этого нового опасного вида, но и нам с вами необходимо быть начеку! Читайте дома параграф три. И подготовьте доклады о самых известных смесках-мерроу. Вы, вы и вы! Дальше... банши!

Сразу три руки взметнулись вверх. И одна из них рядом со мной.

– Ты! – будто издеваясь, Фенир ткнул в шатена, сидящего слева.

Тот вскочил, оправил рубашку и принялся рассказывать все, что узнал из учебной литературы или услышал от кого-то еще...

– Банши! Призрачная темноволосая женщина, плачущая по тому, кто скоро умрет. Она – предвестница беды. Если кто-то слышит плач банши – он нежилец!

– Так уж и нежилец. – Фенир дернул узел галстука, чуть потянул вниз, слегка распуская его. – Банши может плакать годами по смертельно больному человеку. И что же делать всем тем, кто слышит ее все эти годы? Повеситься?

– Э-э... – промычал мой сосед растерянно.

– Садитесь! Ответ в корне неверный. Еще варианты?!

Я опустила глаза, уставившись на крепко сцепленные в замок пальцы.

– Нет желающих? Все убеждены, что банши – это кричащий призрак? Что ж, я не удивлен, ведь в учебной литературе о них почти ничего не написано. А стоило бы написать, и побольше! Будем восполнять пробелы. Итак, сколько веков назад видели последнюю чистокровную банши?

– Три века! – снова подал голос мой сосед.

– Верно. Хотя это вы знаете. – Фенир подошел к окну, распахнул его настежь, впуская в аудиторию свежий воздух. – Три века назад многие из них беспрепятственно перемещались между нашим миром и изнанкой, свободно пересекая грань. Они частенько являлись к тем, кого считали достойными, и кричали под их окнами. Романтика, а? Почти серенада!

Мой сосед подхалимски засмеялся.

– За предупреждение о скорой смерти, – продолжал Фенир, – родовитые маги дорого платили, стараясь избежать несчастья. Кому-то это удавалось, кому-то нет... А некоторые пошли дальше! Они заводили интрижки с банши. Что? Неожиданно? Не такие уж и призрачные были эти женщины. Более того! От таких интрижек стали рождаться дети. Банши, как и марроу, приносили потомство в наш мир, сдавая на руки заботливым папашкам или их родственникам. Так появились смески... Снова новый вид нечисти!

– Нечисти? – прервал профессора парень со второго ряда. – Почему вы их так называете? Если бы смески от банши и человека имели способности, то Серые Пастыри вряд ли оставляли бы им жизнь.

– Разумный довод, – усмехнулся профессор, – но не забывайте, что мы говорим о магах из древних сильных родов! Попробуй отними у такого ребенка! Нет, малышей не отдавали Пастырям, ссылаясь на то, что у них нет способностей матери... Их растили, холили и лелеяли, пряча от возможных обидчиков. В итоге Магистратуру – так на тот момент назывался Высший Магический Совет – надоели подобные союзы, и они запретили вход банши в наш мир. Под страхом казни.

– Значит, сейчас банши просто не существуют, – подытожил мой неумный сосед.

– Вы идиот? – моментально отреагировал Виктор Фенир. – Как это не существуют, если они наплодили смесков перед исчезновением? Действительно считаете, что ни один из детей не унаследовал дар? Ха! Еще как наследовали! Но это скрывалось родственниками за очень большие деньги. И до сих пор подобное – не редкость. Банши среди нас, и все они подлежат немедленному уничтожению в случае разоблачения!

В аудитории повисла звенящая тишина.

– Но зачем их убивать? – тихо спросил кто-то из-за моей спины. – Если они могут помочь. Чувствуют смерть – и сразу кричат. Кто предупрежден – тот вооружен.

– Вот оно! – Фенир ткнул пальцем в говорившего. – Как твое имя?

– Рихард Лойс.

– Сегодня ты заработал “отлично”! Очень хороший вопрос, который я уже и не ждал от вас услышать! Зачем убивать милых женщин, которые просто пытаются предупредить о смерти? Затем, что их крик в нашем мире слышит вся нечистая братия там, на изнанке! И грань трещит по швам тем сильнее, чем сильнее кричит банши. Нужен пример для понимания? Я приведу! Вы не найдете его в учебниках, но можете мне поверить, так все и было... У одной матери заболел единственный сын. Сильно заболел, неизлечимо. И она умирала вместе с ним, не в силах терпеть душевную боль. Она сидела у его кровати и стонала, выла, как раненый зверь. А потом, когда мальчика охватила лихорадка, мать перешла на крик. Она так кричала, что грань треснула, открывая уродливую изнанку этого мира! Целый город оказался в эпицентре ее крика...

– Хольмудский разлом... – шепнул кто-то впереди, уже догадавшись, о каком происшествии рассказывает профессор. – Он ведь был там, среди провалившихся!

– Выжили только пятеро, – Фенир говорил, глядя куда-то перед собой, но не видя аудиторию. Его взгляд помутнел, а спина чуть согнулась. – Остальные погибли. Ведь время на изнанке течет по-другому, и помощь пришла слишком поздно...

Справа чуть впереди меня кто-то поднял руку.

– Да? – опомнился профессор.

– Но ведь раньше банши кричали и разломов не было? – робко уточнила блондинистая девушка. – Почему же в том случае так получилось?

– Потому что женщина испытала настоящее горе. Эмоциональное потрясение, – терпеливо принялся отвечать профессор. – Если бы умер неизвестный ей мальчик, она не чувствовала бы того же. Мы не настолько скорбим о других людях, как о близких, ведь так? Существовал также случай, когда банши – совсем молодая девушка – путешествовала с родителями на поезде и почувствовала беду с массовыми смертями. Она кричала особенно сильно, и ее с семьей высадили с поезда, а позже, через несколько миль, вагоны перевернулись – сошли с рельс в неизвестность. Часть обломков поезда так и не нашли. Скорее всего, они до сих пор в параллельном мире. Как итог: не только авария, но и разлом грани.

– Каков же тогда выход? – спросила та же девушка.

– Услышите их – тащите ко мне. Я разберусь! – оскалившись, сказал Фенир.

Меня передернуло от перспективы.

– Разве вы Пастырь, чтобы разбираться? – вдруг спросила рыжая девушка с первого ряда. – Только они решают, кого казнить, а кого миловать. Вдруг смеска банши не эмоциональна? И может контролировать свои способности?

– Что за вздор? – Фенир нахмурился, мотнул головой. – Понабирают романтично настроенных дур на факультет... Не бывает смесков банши, способных себя контролировать!

– Откуда вы знаете? – не унималась рыжая.

– Из практики общения с ними! – припечатал профессор. – Я бывал в Обители Пастырей и видел, как там пытались помочь нескольким девушкам. Все закончилось казнями. В сказках о банши не бывает сладких концов, как в женских романчиках! Запомните это, а лучше запишите и читайте каждую ночь перед сном!

Я тихонько вздохнула и дрожащей рукой записала: “Банши – опасны”.

– Ну и дохитай! Кто расскажет о них? – снова заговорил профессор.

– Духи предков, вызванные для мести! – ответила девушка с задних рядов.

А я снова захотела стать глухой хоть на время. И слепой. И не рождаться на этот свет вовсе. Нечисть, смеска... Тварь. Так он меня называл и другим советовал.

Ненормальный! Такой же недалекий, как эти псы, Пастыри... Им лишь бы казнить всех, кто отличается от нормы, и плевать на то, что жизнь мы любим не меньше, а может, и больше, чем они сами.

Прикрыв глаза, я задумалась... Проявись мой дар (или проклятье – это как посмотреть) чуть раньше, быть может, я бы смогла спасти родителей из пожара – предупредить их заранее. Даже ценой своей жизни – согласилась бы.

Но увы.

Все было так запутанно, странно... Я долго мучилась виной, не в силах принять себя с новыми способностями именно по этому поводу. Не понимала, почему все видения и кошмары пришли, лишь когда я осталась одна, не в силах что-то изменить для близких.

Ни у моей матери, ни тем более у отца ничего подобного в талантах не было, оставалось только догадываться, где и когда в нашем роду затесались банши.

Поначалу лекари считали, что мое поведение, кошмары и стоны ночами – норма, последствия стресса. А потом... Потом один из них предположил неладное и поделился со мной своими опасениями. Я искренне посмеялась ему в лицо. Я – банши?! Леди из рода Чарльстон – нечисть? Лекарь смутился и ушел. А я просто решила убедиться... Нашла старинный фолиант с информацией по обитателям грани в домашней библиотеке и сопоставила факты.

Понимая всю опасность сложившегося положения, вскоре я сбежала из страны – пока не стало слишком поздно.

Несколько раз я пыталась начать все заново: снимала квартиры, поступала на учебу в другие университеты... Но каждый раз приходилось бежать: гонимая страхом разоблачения, я отдалялась все дальше от дома.

Первые несколько лет было жутко. В каждом незнакомце мне чудился Серый Пастырь, пришедший по мою голову. Потому пришлось оставить идею о нормальной жизни. Лишь позже я научилась существовать иначе: путешествовала под придуманными именами, от которых со временем приходилось избавляться. Каждый раз, когда окружающие начинали смотреть на меня слишком косо и о чем-то догадываться, я собирала чемодан и... умирала. Новый некролог в местной газете знаменовал новую жизнь для меня.

Потому что девушка, снимающая комнату и живущая одиноко, привлекает внимание, а если она еще и кричит ночами, будто полоумная, то это подозрительно вдвойне. И никому не объяснить, что в этом ненормальном даре нет моей вины – скорее наоборот: я была бы счастлива стать полезной, предупреждать людей о грядущей беде, но кто будет слушать банши?..

– Итак, записываем домашнее задание, – выдернул меня из мыслей голос Фенира. – К следующему занятию всем составить эссе минимум на тысячу слов об одном из видов нечисти на выбор: мерроу, дохинай или банши. На сегодня все свободны.

Прозвенел спасительный звонок. Меня вместе с потоком других студентов вынесло в коридор, и ноги даже сами повели в сторону крыла общежития, но я запоздало вспомнила, что мне сегодня предстоит еще одна встреча с профессором.

– Что ж, помою полы, – бормотала я себе под нос. – И сразу обратно.

Подойдя к дверям лаборатории, я сразу поняла: что-то изменилось. Присмотревшись, заметила – табличку заменили. “Посторонним вход запрещен, – гласила она, – опасный уровень магического поля”.

Я нахмурилась. Что еще за уровень такой? И почему вчера все было нормально?

Потянувшись к ручке, я толкнула незапертую дверь внутрь и не успела даже сделать шага внутрь, как раздался давящий на уши вой сирен.

Инстинктивно захотелось либо упасть на пол и слиться с плиткой, либо бежать, сверкая подметками.

Все прекратилось так же резко, как и началось.

– Вы что, читать надписи не умеете? – раздался гневный голос Фенира где-то рядом. – Что вы здесь делаете?!

Профессор стоял в двух метрах от меня, недовольно взирая на мою сжавшуюся тушку. На нем был испачканный кровью фартук, а в руках огромный тесак...

Это был нехороший, очень нехороший знак.

– Вы же сами вчера сказали мне прийти, – пискнула я, отступая на шаг.

– А-а-а, – уже куда более мягко протянул он. – Это вы, мисс Чарльстон? Забыл поставить на вас допуск, проходите.

Я немного постояла на месте, соображая, правда ли он меня не узнал или издевается? Однако делать было нечего, пришлось все же войти в лабораторию, осторожно прикрывая за собой дверь.

Медленно осмотревшись по сторонам, я поняла, что внутри очень многое изменилось со вчерашнего дня. Да так, что сразу стал ясен смысл надписи. Внутри лучше было действительно не заходить. И дело не в Фенире с ножом в руках. Хотя – чего уж там? – в нем тоже.

Что же касается лаборатории – внутри она стала больше, чем была вчера – ярдов эдак на двадцать разрослась в длину. Магически разросшееся пространство шокировало простором, которого никак не ждешь от маленькой комнатушки. Столы и колбы исчезли, зато появились клетки! Множество клеток различных форм и размеров. Они стояли чуть поодаль от входа, некоторые были занавешены темными полотнами, некоторые дополнительно стянуты железными прутами. Также нашлось несколько деревянных коробов... И внутри каждого что-то рычало, шипело, хрипело и бесновалось.

– Мамочка, – пробормотала я.

– Надеюсь, это не ко мне обращение, мисс Чарльстон? – с ухмылкой спросил Фенир.

Свой рабочий стол он оставил недалеко от входа. Однако сейчас находился рядом с огромной разделочной доской метр на метр, на которой нарезал великанский шмат мяса на кусочки. – Мне больше нравилось, как вы с придыханием говорили “профессор Фенир”.

– Да. Конечно. Я... э-э...

– Впечатлены размахом, наверное? – Профессор кивнул. – А я сразу предупреждал, что необходим крепкий, хорошо сложенный парень для тяжелой физической работы. Но вы же не слушали, мисс Чарльстон, вы рьяно желали остаться и стать моей... помощницей. Мыть мои колбы.

Он усмехнулся.

– А я не могу отказывать таким напористым девушкам. Это мое слабое место, Элизабет. Вы не против, если я немного сокращу обращение к вам? Нам предстоит много времени проводить вместе, потому, если вы не откажетесь прямо сейчас...

Он сделал многозначительную паузу, позволяя мне передумать, видимо. Я проглотила ком то ли шока, то ли обиды, но упрямо выдохнула:

– Ничего, я справлюсь. Подумаешь, площадь мытья полов увеличилась.

– Ах, в полах ли дело, – почти мечтательно протянул Фенир, вываливая мясо в огромный таз, перемешивая его руками и выходя вместе с ним из-за стола. Всем своим видом он больше напоминал мясника, чем знаменитого профессора. – Хотя-я-я, это даже хорошо, что вы женщина. А то было бы что-то неправильное в наших с вами будущих отношениях. Ну, представьте, говорю я кому-то: “Это мой помощник, мы с ним не разлей вода, все делаем вместе”... И сразу неправильные ассоциации в голове. А так выходит красиво: “Это Элизабет, она – моя помощница во всем! Моя правая рука...”

– Что, простите? – перебила я профессора. – Какая рука?

– Правая, Элизабет. Это вот здесь, – он показал нужную сторону. – Если не хотите быть правой, есть альтернатива. Правильно смотрите. Левая. Ну так как?

Уходите? Или познакомить вас с нашими “малышами”?

При фразе о малышах в дальних клетках кто-то завыл, а прутья затряслись и пригрозили быть сломанными.

Я еще раз захотела позвать маму, но сдержалась. Вдохнула-выдохнула и двинулась за преподавателем.

Фенир же с видом циркового ведущего подошел к первой клетке и сдернул полотнище. Оттуда на него зыркнула двумя красными глазами фиолетовая дымка и тут же, шипя, забилась в угол от яркого света.

– Это мурз, – представил Фенир, хотя я и сама догадалась. – Первоклассный вор. Утаскивает ценные вещи у людей к себе на изнанку и там прячет. Отдает за выкуп или по велению более сильной нечисти. Его я поймал вчера утром, когда он пытался выкрасть у меня... Впрочем, неважно что.

– Зачем он вам? – подходя ближе к клетке, спросила я.

Мурзы были достаточно безобидны, если не считать вороватой натуры и острых зубов.

– Что значит зачем? Это – учебное пособие, – как дурочке, объяснил Фенир. – Кормить его надо раз в неделю морковкой или яблоками. Двигаем дальше – рорд.

Покрывало слетело со следующей клетки, и тут же на профессора обрушилась волна пламени! Даже до меня его жар дошел. Я едва успела отскочить, а Фенир и глазом не повел. Разве что сбил с передника плясавшие огненные языки и пригрозил злобному, похожему на жабу существу кулаком. В ответ оно оскалило длинные зубы, отрастило призрачные руки и принялось шатать клетку. Того и гляди вырвется.

– Цыц мне тут! – прикрикнул на рорда профессор и бросил в клетку кусок сырого мяса. – Иначе отправишься на диету. Итак, мисс Чарльстон, к этой твари подходить не советую. Я-то огня не боюсь, а вот насчет вас не уверен. Кормить его тоже буду сам, ваша задача брать каждый день на кухне десять килограмм

мяса, приносить сюда и нарезать. Тесак острый, аккуратнее с ним.

С этими словами он кинул чудищу еще кусок и пошел к следующей клетке. Весь дальнейший час я шокировалась масштабами фенировского нечисть-парка.

– А вот эта тварь – зулу, – указал он на огромную толстую змею в террариуме, метров двадцати длиной.

Я про них слышала и предпочла бы держаться подальше, потому что их яд убивал за пару минут, а иногда и быстрее.

– И как часто кормить этого? – мрачно поинтересовалась я.

– Он поел вчера. Целого оленя ужрал, теперь только через полгода. – Фенир затемнил стекла террариума заклинанием и двинулся к последней клетке, откуда раздавался раздражающий писк. Я уже предчувствовала подвох. – Итак, мисс Чарльстон. А теперь сладенькое.

Очередное покрывало слетело на пол, и мне захотелось взвыть. Гидра – черт ее за ногу, самая настоящая. Где только ее Фенир достал?! А голов-то – раз, два, три...

– А вот и еще одна тварь, – почти промурлыкал Виктор. – Правда милашка? Их сейчас непросто поймать...

– Эм... – только и смогла озадаченно выдавить я.

– Пожалуй, одна из действительно безвредной нечисти. И даже полезной! Когда вырастает – становится прекрасным охранником в тюрьмах или банках. Превосходно приручается, главное – кормить вовремя.

На меня повернулись сразу пять голов. Пять мелких, кровожадно смотрящих голов, будто сожрать собирались меня и прямо сейчас.

Фенир вывалил к ним в вольер все оставшееся мясо из таза, на которое тут же накинулся гидреныш. Скорость поглощения еды пугала.

– Удивите меня, Чарльстон. Сколько раз в день надо кормить взрослую гидру? – спросил преподаватель.

– Три? – робко предположила я, наблюдая, как сразу четыре головы сцепились в драке за последний кусок.

– О, молодец. Знаешь. А вот маленьких чаще. Пять, а то и шесть раз – пока растёт организм. Поэтому будешь приходить сюда в пять утра, а потом еще раз перед занятиями и на ужин. В обед и перед сном – так и быть, кормить буду я. Ну что, все понятно?

– Угу, – невнятно пробормотала я, боясь задавать главный вопрос. А кто за этим зверинцем убирать потом будет? Тоже я?

– И самое главное. В клетки заходить запрещено, если не хочешь лишиться головы и пальцев, – дополнил Фенир. – Тем более что там настроена тонкая уборочная магия. Повредишь – будешь выгребать навоз вручную! Я серьезно. И если погибнешь – приглашу некромантов, они тебя поднимут, и все равно закончишь уборку.

– Прелесть, – только и смогла сказать я. – Поверьте, я туда ни ногой. Обещаю.

– Верю. – Фенир улыбнулся почти добродушно и протянул мне бумагу, взятую из воздуха. – Но договор подпиши. Здесь об ответственности, обязанностях, последствиях несчастных случаев...

Я с мрачным видом взяла бумаги.

– Прочту у себя и завтра принесу, – ответила, обводя все хозяйство вокруг недобрым взглядом.

– Думайте, Элизабет, думайте... Но гидру после ужина и в пять покормить не забудьте. На кухне я о вас предупредил, мясо и овощи вам выдадут.

– А овощи кому? – опешила я.

– Мурзу. Этот пушистик тоже нуждается в ежедневном кормлении.

– Но ведь я еще не подписала договор.

– Это ничего, – Фенир отмахнулся, – в канцелярии академии вы уже записаны в качестве моей помощницы. Так что не робейте, работайте. Или без мытья колб вам здесь не интересно?

– До свидания, профессор. – Игнорируя шпильку в свой адрес, я попыталась уйти. Но не преуспела.

Меня за руку поймали длинные пальцы.

– И все-таки... – Фенир прищурился и уставился мне в лицо. – Есть в вас хоть что-то особенное? Родимое пятно, может, какое-то?

– Вы... странный, – сказала я, старательно игнорируя подбрасываемые мозгом более уместные эпитеты. Типа “псих”, “ненормальный”, “пугающий”...

Фенир раздраженно цыкнул и отпустил меня.

– Что ж, может, в следующий раз? – сказал он сам себе и принялся развязывать передник.

Уже оказавшись у двери, я не выдержала и остановилась. Конечно, нужно было соблюдать субординацию и все такое, и, клянусь, с любым другим профессором я бы вела себя иначе... Но не с Фениром. Остаться с ним и дальше наедине среди кучи нечисти я могла лишь в том случае, если бы хоть немного понимала и доверяла ему. Пока не было осуществлено ни первое, ни второе.

– Вы меня не запоминаете, – сказала я тихо. Не спросила, а констатировала факт. – И это не просто забывчивость, правда ведь?

Фенир как раз справился с фартуком, откинул его на раковину и принялся мыть руки. Я тут же посмотрела на свое запястье – оно было испачкано. Поморщившись, тоже пошла к воде. Заодно повторила вопрос.

– Почему вы не можете запомнить меня, профессор?

Он нехотя обернулся и посмотрел мне в лицо даже с бо?льшим презрением, чем недавно на мурза.

– А вы приставучая, – сказал недовольно. – Хотите правду, или соврать что-то для вашего спокойствия?

Я, признаться, задумалась. Что ж там за правда, если есть еще и второй вариант? Но коварное любопытство не дало отступить и здесь.

– Говорите как есть.

– Ранение, – пожал плечами Фенир, уступая мне место у раковины. – Разве вы никогда не слышали о моих странностях, юная леди?

– Я долго жила за границей, – ответила, отмывая собственное запястье от крови неизвестного животного, скормленного нечисти. – Потому было бы очень любезно с вашей стороны...

– Ранение, я же сказал, – перебил он. Потом посмотрел на меня внимательно и добавил тихо: – В голову. Вот сюда.

Он показал на свой затылок.

В этот момент кто-то из зверей снова дико завыл, и я подпрыгнула на месте, вдруг понимая, насколько сильно напряжена. Усилием воли я заставила себя перебороть страх и уточнить:

– Значит, после ранения что-то изменилось?

– Помимо прочего, случилось расстройство восприятия лиц. – Потерев лоб ладонью, Фенир устало вздохнул и продолжил: – Если уж совсем разжевать, то это значит, что способность узнавать лица практически потеряна, но при этом способность узнавать все остальное сохранена. Потому я, скорее всего, не узнаю вас при следующей встрече, пока не заговорите или не представитесь. Как не узнаю почти никого. Ранение и его последствия – не такой уж секрет, мисс Чарльстон, но и кричать об этом на каждом углу не стоит. Понимаете?

– Конечно.

– Я рад.

– Угу, – сказала, не зная, что добавить на прощание. – Ну вы берегите себя. Теперь уж...

– Вы тоже, Элизабет. – Виктор Фенир не сводил с меня пристального задумчивого взгляда. – Читайте договор, решайте, нужно ли вам лезть к кому-то со своей бесценной помощью?

И что-то почудилось мне в его словах, будто он вложил в них еще какой-то смысл... Но вот уже в следующий миг профессор улыбнулся во все зубы, подмигнул и как ни в чем не бывало двинулся вглубь своего дикого зоопарка, напевая на ходу какую-то незамысловатую мелодию.

Я расслабленно выдохнула, понимая, что все тревоги – не более чем плод моего напуганного воображения и усталость. Крепче сжав в руках договор, я ушла в общежитие, мечтая лишь о двух вещах: принять душ и уснуть хоть на пару часов. Но в тот день моим мечтам не суждено было сбыться ни в каком виде.

– Душ затопило! – сообщила Хельга, стоило мне войти в нашу комнату. – Свинство просто! Кто-то сорвал кран, так что этим вечером все стоим в очередь в одну кабинку. И кстати, тебе письмо.

Я покачала головой:

– Никаких писем, только сон!

– Но оно из ректората. Называется “Дополнение к договору об оказании помощи по присмотру и уходу за магической нечистью”. Увесистое. Можно мне открыть?

В ответ смогла только кивнуть. Но Хельге и этого оказалось достаточно.

Пока я устроилась на своей кровати, прикрыв глаза и моментально начиная проваливаться в сон, где-то рядом зашуршала бумага и раздался голос Хиткович:

– “Просим вас внимательно изучить пособие по магической нечисти перед подписанием договора, после чего явиться в ректорат и, в случае подтверждения своей кандидатуры на должность помощника профессора Виктора Фенира, утвердить подписью ряд дополнительных документов... Не откладывая... С уважением...” Не поняла. Так слухи о тебе и профессоре – правда? Ты и он?.. Вы?..

Я приоткрыла один глаз и мучительно взывала.

– Хельга, ну что ты несешь? Если снова запоешь про любовницу – поругаемся.

– Тогда что это?

– Пособие, там же написано. – Я села на кровати и забрала полненькую книгу с изображением гидры на обложке. Как напоминание о той, что мне предстоит кормить...

– Значит, он взял тебя в помощницы? – Хиткович покачала головой. – Стоун тебя убьет. Вот точно говорю. Она все время после пар шила Лапушке новые сапожки, а ты в это время устраивалась к нему на работу! Мой тебе совет: иди к девчонкам с предсказательного факультета, закажи себе оберегов. И побольше!

Ее предупреждение я пропустила мимо ушей. Судя по взглядам, которые я ловила на себе весь день, Стоун – не главная моя проблема. И вообще, еще неизвестно, кто достанет меня раньше: поклонницы Фенира или какая-нибудь тварь из его зоопарка.

С этой мыслью я заставила себя встать с кровати, пролистать книгу о – мягко скажем – страшных существах и поплестись к выходу из комнаты, в сторону деканата. До конца его работы оставался час, и я вполне успевала подписать (или не подписать) нужные бумаги.

Дойдя до пункта назначения, постучала в двустворчатые двери, а после, дождавшись “Войдите”, шагнула внутрь.

За пять лет тут ничего не изменилось. Все те же шесть столов секретариата, и все так же – еще одна дверь уже к ректору. Но к Фениру-старшему мне было не

нужно. Я подошла к свободному секретарю, женщине лет тридцати, и представилась.

– Доброго вечера. Меня зовут Элизабет Чарльстон, и меня вызывали.

Стоило это произнести, как пятеро остальных работниц тоже повернулись в мою сторону и с любопытством уставились, прошибая взглядами насквозь.

– Так это вы? – несколько удивленно и разочарованно протянула одна из них и тут же отвернулась, теряя интерес.

Похоже, здесь ждали сногшибательную красотку, а пришла всего лишь вполне себе милая я.

“Моя” секретарь оказалась более многословна.

– Конечно, вызывали. По правилам академии при найме студентов на работу вы обязаны подписать ряд бумаг, – начала она, доставая из-за стола кипу документов. – А моя задача разъяснить вам, Элизабет, все возможные последствия такой работы.

В следующие полчаса меня грузили юридическими терминами и устрашали всеми возможными и невозможными жутями. Начиная с того, что академия снимает с себя ответственность в случае моей смерти или физических повреждений, полученных от одного из монстров Фенира. Заканчивая тем, что компенсацию мне тоже не выплатят – ибо сама виновата, нашла с кем связываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Газеты, пишущие сплетни про всех аристократов.

2

Профессор дружила с матерью Элизабет, всю жизнь работала в академии.

3

В Обители Пастырей живут маги, потерявшие контроль над своей магией.

Купить: https://tellnovel.com/soul_nika/poslednyaya-akademiya-elizabet-charl-ston

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)